

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»

РИСКИ БЕДНОСТИ И РЕСУРСЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Под ред. Е.М. Авраамовой

Авторский коллектив: Е.М. Аврамова, А.В. Каравай, Д.М. Логинов

Москва 2016

Аннотация

Доклад содержит результаты исследования, цель которого состояла в определении факторов, влияющих на уровень благосостояния и описании групп населения, находящегося в зоне бедности или под влиянием рисков оказаться в числе бедных.

Информационная база исследования представляет собой данные репрезентативного для России в целом выборочного опроса 3,5 тысяч респондентов.

Применена методология, включающая анализ рисков бедности, а также ресурсных возможностей индивидов и домохозяйств им противостоять. Сопоставление рисков и ресурсных возможностей позволило выявить группу, составляющую 28,8% населения, имеющую максимальные риски снижения уровня благосостояния и при этом не обладающую ресурсами, позволяющими выстраивать продуктивные адаптационные стратегии, помимо снижения потребительской активности.

Annotation

The report contains the results of research which purpose was to determine the factors influencing the level of welfare and to describe population groups to be in poverty zone or under the risks to be among the poor.

Informational base of the research is the data of representative sample poll of 3,5 thousand respondents over the whole Russia.

The methodology, including the analysis of poverty risks and also of recourse capabilities of individuals and households to resist them, is applied. Comparison of risks and recourse capabilities allowed to identify the group, representing 28,8% of population, that had the highest risks of welfare reduction and at the same time without recourses allowing to build productive adaptation strategies except reduction of consumption activity.

Список исполнителей

Авраамова Елена Михайловна, заведующий лабораторией Исследований социального развития ИНСАП РАНХиГС, д-р экон. наук, профессор, (495) 695-11-62, e-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Каравай Анастасия Вадимовна, научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС, (495) 695-11-62 karavay-av@@ranepa.ru

Логинов Дмитрий Михайлович, старший научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС, канд. экон. наук, (495) 695-11-62, e-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Содержание

Введение.....	6
1 Риски снижения уровня благосостояния.....	9
1.1 Риски потери занятости	9
1.2 Демографические риски.....	15
1.3 Риски ухудшения жилищных условий	19
1.4 Кредитные риски	21
1.5 Риски, связанные с сокращением потребления	25
1.6 Индекс рисков устойчивости социально-экономического положения	32
2 Ресурсы населения, снижающие риски бедности	39
2.1 Экономический ресурс.....	39
2.2 Квалификационный ресурс.....	42
2.3 Социальные связи.....	46
2.4 Общая ресурсообеспеченность населения	49
3 Факторы, снижающие риски попадания в группу бедных	54
4 Соотношение рисков и ресурсов в различных группах населения	69
Заключение.....	78

Обозначения и сокращения

г.	год
ЖКХ	жилищно-коммунальное хозяйство
знач.	значимость
ИРО	индекс ресурсообеспеченности
ИРП	индекс рисков устойчивости социально-экономического положения
кол-во	количество
коэфф.	коэффициент
макс.	максимум
мин.	минимум
млн.	миллион
ПГТ	поселок городского типа
ПМ	прожиточный минимум
пр.	прочее
среднеkv.	среднеквадратическая
т.е.	то есть
т.п.	тому подобное
тыс.	тысяча

Введение

Масштабы, профиль и факторы бедности постоянно находятся в поле внимания специалистов. Тем более это внимание должно усиливаться в ситуации экономической нестабильности, когда возникают новые риски бедности. Именно такую ситуацию переживает сейчас Россия, население которой столкнулось с социально-экономическими эффектами кризиса. Вызовы со стороны особенностей социально-экономического развития страны состоят в снижении реальных располагаемых денежных доходов населения, которые в 2014 г. сократились на 0,7% по сравнению с предыдущим годом, а в 2015 г. – на 6,0%.

Исследование, направленное на прояснение структуры населения, находящегося в зоне экономических и социальных рисков, является в высшей степени актуальным. Его основная цель состояла в определении факторов, влияющих на уровень благосостояния, а также в выявлении и описании групп населения, находящегося в зоне бедности или под влиянием рисков оказаться в числе бедных.

Таким образом, методологически оправданным представляется комплексное исследование, включающее, с одной стороны, анализ рисков снижения уровня благосостояния, а, с другой – анализ ресурсных возможностей индивидов и домохозяйств этим рискам противостоять, выстраивая определенные адаптационные практики.

В качестве рисков снижения благосостояния рассмотрены следующие:

- риски потери занятости;
- демографические риски, связанные с наличием в домохозяйстве иждивенцев (детей, инвалидов, неработающих);
- риски ухудшения жилищных условий, связанные с необходимостью выплат за арендное или ипотечное жилье;
- кредитные риски, связаны с долговой нагрузкой;
- риски, связанные с сокращением потребления.

Каждый из выделенных рисков рассматривался детально, после чего был рассчитан индекс устойчивости социально-экономического положения (ИРП) и выделены группы населения, в наибольшей степени подверженные влиянию совокупности рассматриваемых рисков.

В исследовании рассматривались следующие виды ресурсов домохозяйств:

- экономический ресурс, для операционализации которого использовались такие показатели, как наличие крупных сбережений (на которые домохозяйство может прожить хотя бы несколько месяцев), а также наличие доходов от сдачи недвижимости в аренду, проценты по депозитам, доходы от ценных бумаг и т.п., то есть, активы, которые приносят владельцу рентные доходы;
- квалификационный ресурс, который оценивался через наличие профессионального образования и его соответствие профилю выполняемой работы;
- ресурс социальных связей, который в российских условиях часто имеет ключевое значение, замещая собой другие виды ресурсов, в первую очередь, квалификационный.

В ходе анализа рисков ухудшения социально-экономического положения, а также ресурсов, которые, наоборот, способствуют его улучшению, были выявлены группы, характеризующиеся разным соотношением рисков и ресурсообеспеченности. Сопоставление этих двух показателей позволило разделить население на следующие группы:

- высокорисковые и низкоресурсные;
- низкорисковые и низкоресурсные;
- высокорисковые и высокоресурсные;
- низкорисковые и высокоресурсные.

Далее был проведен анализ состава соответствующих групп и определены перспективы устойчивости социально-экономического положения их представителей.

В ходе исследования решались фундаментальные и прикладные задачи. К числу фундаментальных задач, в первую очередь, относится имплементация ресурсного подхода в определении запаса прочности индивидов и домохозяйств.

К числу прикладных задач относятся:

- определение численности бедного населения и населения, имеющего значительные риски бедности;
- выявление социально-экономических и демографических характеристик населения, уже находящегося в зоне бедности или рискующего пополнить состав бедных;

- выявление ресурсов, способствующих противостоянию бедности в условиях нестабильности;
- выявление адаптационных практик населения, направленных на сохранение или повышение социально-экономического статуса;

Информационной базой исследования стали данные, во-первых, официальной статистики, отражающей динамику показателей благосостояния населения, и, во-вторых, данные социологического исследования, репрезентативного для России в целом (выборка составила 3,5 тыс. респондентов), представляющего собой анкетный опрос, позволяющий выявить ресурсы, имеющиеся в распоряжении домохозяйств, и формирующиеся на их основе адаптационные практики.

1 Риски снижения уровня благосостояния

1.1 Риски потери занятости

Согласно нашим данным, около трети работающих россиян оценивали положение своего предприятия как хорошее, 45% – как среднее, и 22% – как плохое. При этом следует отметить, что оценки текущего положения практически не зависели от профессиональных позиций. В то же время многие (40%) работающие россияне отметили, что за последний год положение их предприятия ухудшилось, и лишь 16% заметили хоть какое-то улучшение ситуации. И в этом случае наиболее позитивные ответы дали рабочие и рядовые работники торговли и обслуживания, а также технический персонал, среди которых около 20% отметили улучшение на своих предприятиях. Напротив, наиболее негативно оценили экономическую ситуацию руководители разного уровня (45,7%), что может следовать из большей информированности последних о реальном положении дел на предприятии.

Что касается оценки перспектив своего увольнения, то 22% работающих россиян предполагают, что их могут уволить в текущем году. Особенно часто это мнение встречается среди рядовых работников торговли и бытового обслуживания и прочего технического персонала (27,2%), а также среди работников физического труда (32,3%). Реже всех такое мнение высказывают руководители (15,8%) и специалисты с высшим образованием (17,3%).

Исходя из анализа субъективных оценок работниками положения своих предприятий и перспектив сохранения рабочего места, с помощью метода двухэтапного кластерного анализа были выделены группы работников, которые характеризуются разным уровнем рисков в сфере занятости.

В целом лишь 26,3% работающих россиян не ощущают на себе риска потери занятости, у трети (34,1%) он минимален, у 17,8% находится на среднем уровне, и, наконец, каждый пятый работник (21,8%) находится в «красной зоне» максимальных рисков (Таблица 1).

Таблица 1 – Группы работников, характеризующихся разной степенью риска потери занятости, 2016 г., % от работающих, по столбцу

Характеристики	Риски потери занятости				В целом
	Макс.	Средний	Мин.	Нет	
Как вы считаете, экономическое положение предприятия, организации, в которой Вы работаете...					
Скорее хорошее	19,7	14,9	31,8	58,3	33,1
Среднее	50,1	49,9	48,2	33,0	45,0
Скорее плохое	30,2	35,2	20,0	8,7	21,9
За последний год положение предприятия, на котором вы работаете...					
Улучшилось	7,6	0,0	12,2	39,4	16,2
Не изменилось	34,7	0,0	59,2	60,6	43,7
Ухудшилось	57,7	100,0	28,6	0,0	40,1
На ваш взгляд, в течение ближайших трех лет экономическое положение вашего предприятия...					
Улучшится	19,9	28,8	0,0	78,7	30,2
Останется без изменений	31,3	0,0	100,0	0,0	40,9
Ухудшится	48,8	71,2	0,0	21,3	28,9
Как вы думаете, могут ли вас уволить в этом году?					
Скорее да, могут	100,0	0,0	0,0	0,0	21,7
Скорее нет, не могут	0,0	100,0	100,0	100,0	78,3
Справочно, доля группы среди работающих	21,8	17,8	34,1	26,3	100,0

Следует сказать, что неустойчивое положение тех работников, которые подвержены максимальному риску потери занятости, связано с их личными оценками вероятности своего увольнения. В то же время, для представителей группы со средними рисками потери занятости они связаны с динамикой экономического положения предприятия, а собственное положение они оценивают как устойчивое. Наконец, представители двух благополучных групп с минимальными и нулевыми рисками занятости сравнительно мало отличаются друг от друга в этом плане, однако учитывая тот факт, что в первой из них больше тех, кто ожидает ухудшения положения своего предприятия, эти две группы рассмотрены отдельно.

Женщины подвержены меньшим рискам потери занятости, однако эти различия скорее связаны с разницей в занимаемых женщинами и мужчинами профессиональных позициях – мужчины чаще встречаются среди рабочих, занятость

которых, как будет показано ниже, характеризуется меньшей устойчивостью, чем у остальных работающих (Рисунок 1).

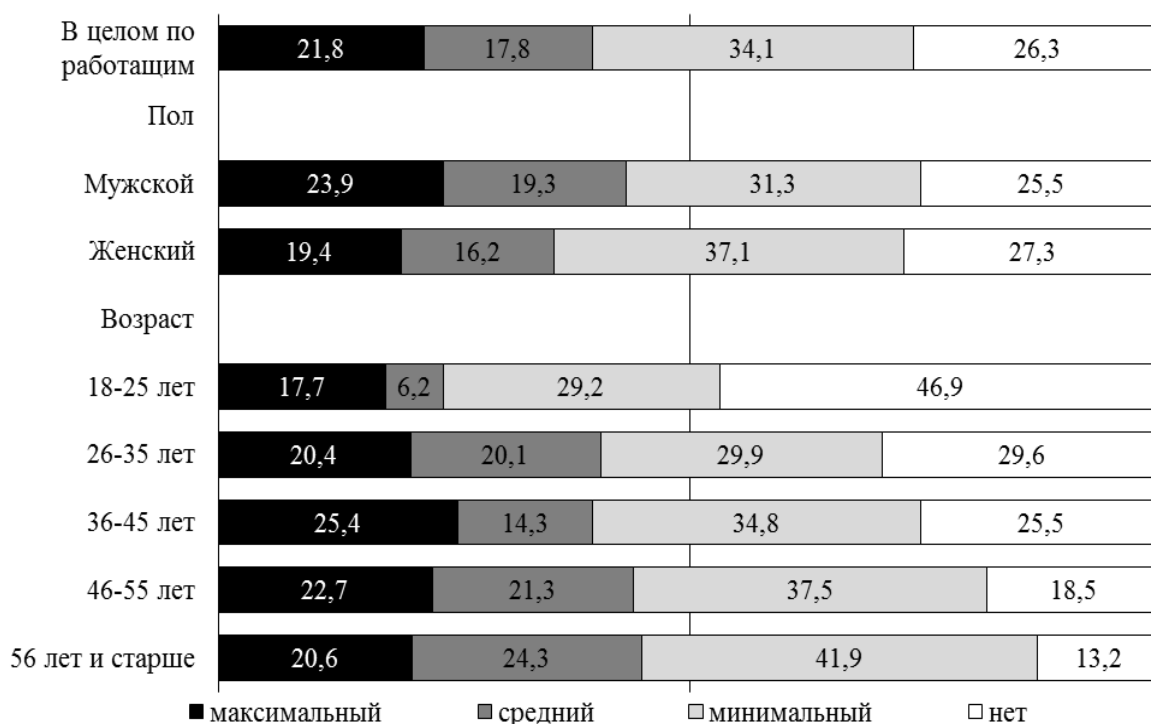

Рисунок 1 – Подверженность рискам потери занятости представителей различных групп работающего населения, 2016 г., % от работающих

В возрастных группах также можно отметить ряд тенденций, связанных с неравномерностью подверженности рискам потери занятости представителей разных возрастных когорт. В группах старше 25 лет заметно растет численность работников, подверженных рискам потери занятости (Рисунок 1). Это может быть связано с тем, что молодежи в целом чаще свойственно позитивно смотреть на жизнь, нежели представителям более старших возрастов, к тому же у молодых работников часто нет достаточной информации об экономическом состоянии своего предприятия, и их оценки могут значительно отличаться от реального положения вещей.

Что касается поселенческого разреза, то жители сел и малых городов (до 100 тыс. человек) чаще характеризуются отсутствием риска потери занятости. Как показано на Рисунке 2, в указанных типах поселений свыше 30% работающих не ощущают на себе данных рисков, в отличие от жителей средних и крупных городов, где такой же показатель составляет 20-27%. В то же время, почти четверть (24,3%) занятого населения в сельской местности, а также 27,3% работающих жителей

больших городов подвержены максимальным рискам потери занятости. В целом, можно отметить, что среди городских жителей вероятность попадания в «красную зону» увеличивается прямо пропорционально размеру населенного пункта, достигая максимальных значений в мегаполисах, где более широкое, по сравнению с другими типами поселений, предложение рабочих мест сочетается с их нестабильностью.

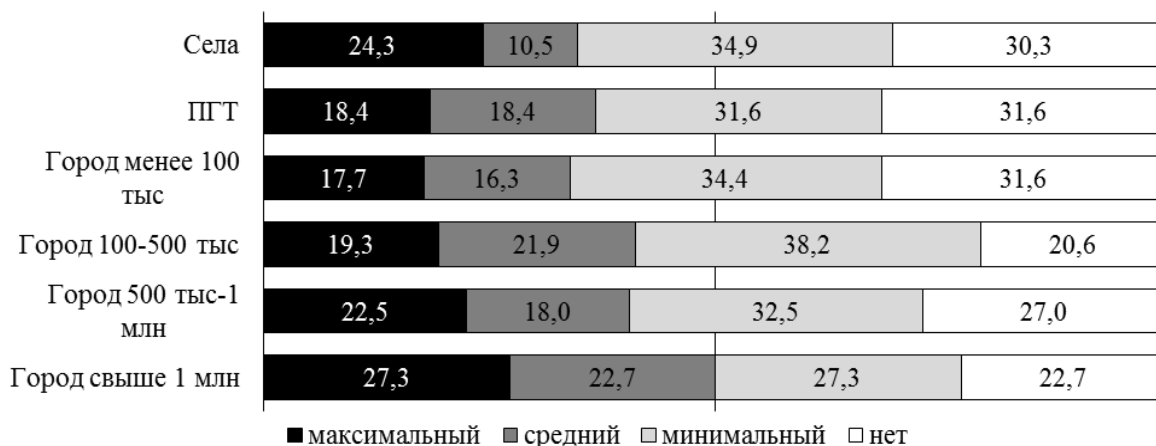

Рисунок 2 – Подверженность рискам потери занятости жителей поселений различного типа, 2016 г., % от работающих

Уровень профессионального образования сказывается на подверженности рискам потери занятости в меньшей степени, чем можно было бы ожидать. На Рисунке 3 показано, что даже среди лиц с высшим образованием всего около четверти ощущают себя полностью защищенными. С другой стороны, заметно, что отсутствие профессионального образования увеличивает вероятность потери занятости, поскольку 27% лиц, получивших образование не выше средней школы, находятся в зоне максимальных рисков, тогда как у работников с более высоким уровнем образования данный показатель составляет около 20%.

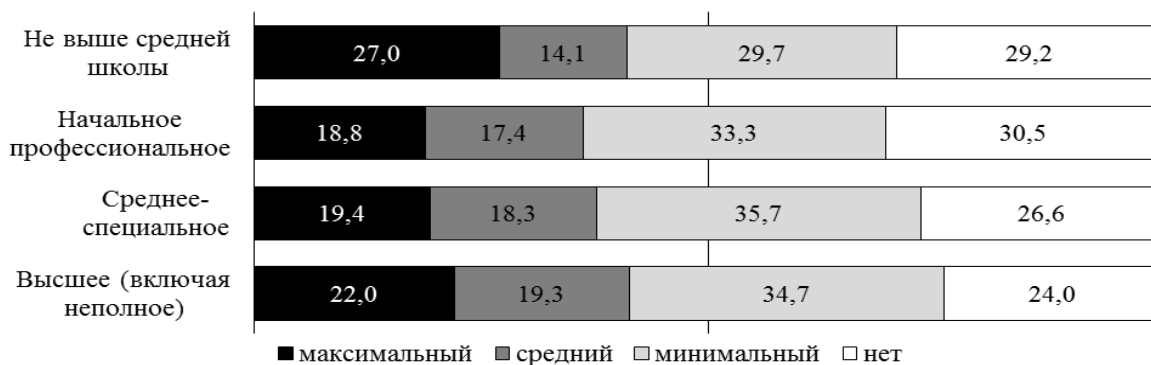

Рисунок 3 – Подверженность индивидов рискам потери занятости в зависимости от их уровня образования, 2016 г., % от работающих

Относительно слабое влияние уровня образования на подверженность рискам потери занятости может объясняться профессиональным статусом работника, однако, как показано на Рисунке 4, зависимость эта неоднозначна. Во-первых, в ситуации защищенности в данном случае находятся всего 20,6% руководителей. Во-вторых, специалисты среднего уровня не только заметно реже остальных ощущают на себе риски потери занятости, но почти 35% из них подвержены средней или максимальной степени риска. Заметнее риски потери занятости у рядовых работников торговли и бытового обслуживания, и, особенно, у рабочих.

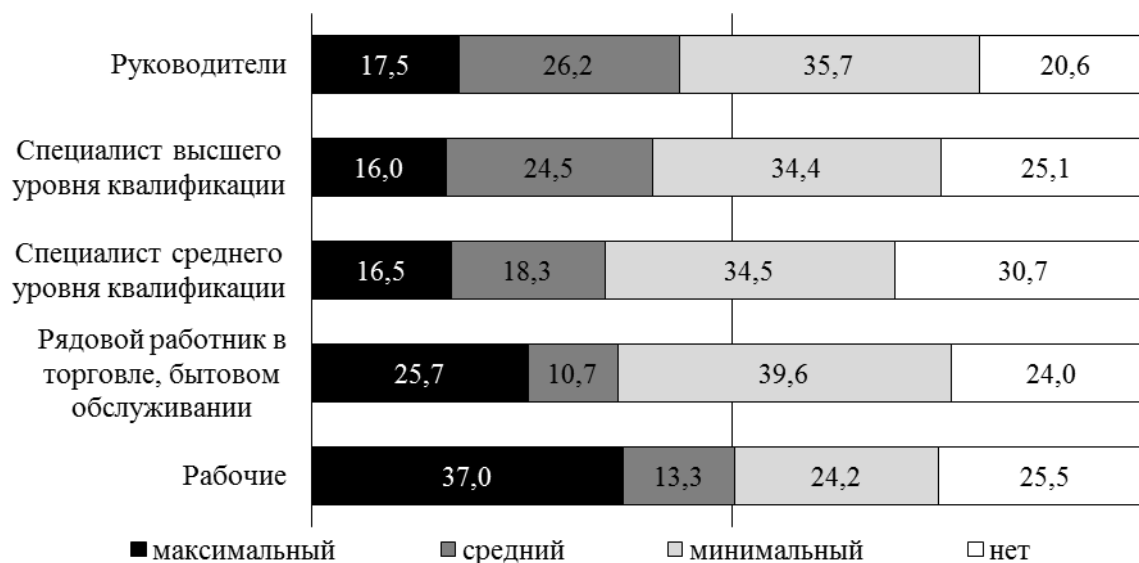

Рисунок 4 – Риски потери занятости для работающих россиян в зависимости от профессионального статуса, 2016 г., % от работающих

Риски потери занятости связаны и с уровнем среднедушевого дохода. Как показано на Рисунке 5, лишь доход свыше трех прожиточных минимумов (ПМ) значительно уменьшает актуальность таких рисков, а доход свыше 2ПМ – уменьшает вероятность попадания в зону максимальных рисков этого типа.

Среди работников с наименьшими индивидуальными доходами (не более 10 тысяч рублей в месяц) 30,5% находятся в зоне максимальных рисков. Среди тех, чей уровень зарплат составляет 11-30 тысяч рублей, данный показатель составляет 23,7%; при уровне индивидуальных доходов в 31-50 тысяч рублей – 16,4%, и, наконец, при зарплатах свыше 50 тысяч рублей только 12,3% работников находятся в зоне максимального уровня рисков потери занятости.

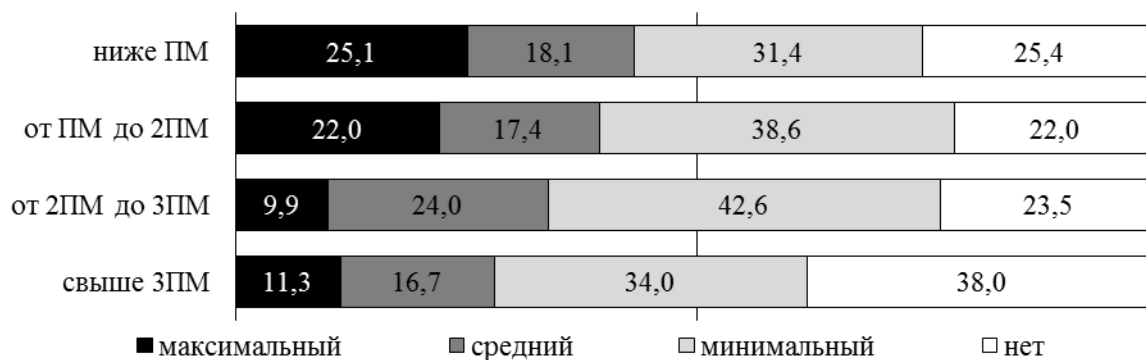

Рисунок 5 – Риски потери занятости для работающих россиян в зависимости от уровня среднедушевых доходов, 2016 г., % от работающих

В итоге, наиболее уязвимы с точки зрения вероятности потери занятости, во-первых, наименее обеспеченные слои населения, чьи среднедушевые доходы не превышают ПМ, во-вторых, представители рабочих и рядовых сотрудников торговли и сферы бытового обслуживания.

Как показано на Рисунке 6, наиболее защищенными на рынке труда в случае потери работы чувствуют себя те, для кого риски увольнения минимальны.

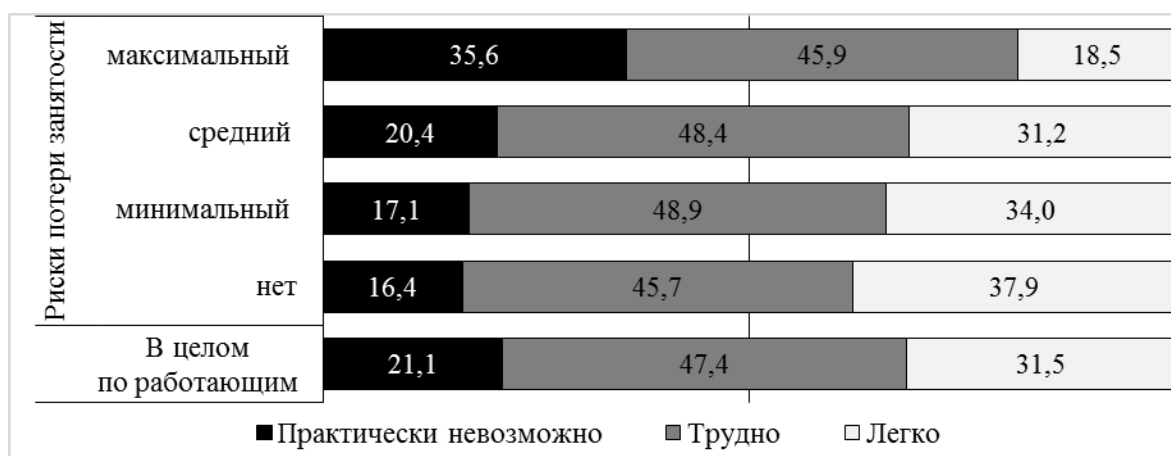

Рисунок 6 – Субъективные оценки вероятности нового трудоустройства среди представителей различных групп риска потери занятости, 2016 г., % от работающих

Только 18,5% тех, кто ощущает на себе максимальные риски потери занятости, предполагают, что в случае реализации этого негативного сценария они смогут легко найти работу, а для 35,6% из них это кажется невозможной задачей

1.2 Демографические риски

Демографические риски были включены в рассмотрение исходя из того, что иждивенческая нагрузка сказывается на социально-экономическом положении каждого члена домохозяйства. Риски этого типа рассчитывались на основе количества и типа иждивенцев в семье, включая самого респондента. Например, было установлено, что наличие ребенка до 16 лет сильнее сказывается на устойчивости домохозяйства (коэффициент корреляций Спирмена с показателем изменения материального положения за последний год), нежели наличие студента, но гораздо слабее, чем наличие пенсионера или инвалида, и особенно работоспособного взрослого, не имеющего работы. Иждивенческая нагрузка рассчитывалась по следующей формуле:

$$\text{Иждивенческая нагрузка} = -0,5 * (\text{кол-во студентов}) - 1 * (\text{кол-во детей до 16 лет}) - 2 * (\text{кол-во пенсионеров и инвалидов}) - 3 * (\text{кол-во неработающих взрослых}) \quad (1)$$

Значения получились от 0 до -22. Опираясь на описательные статистики, мы определили следующие пороги: риск отсутствует при значении свыше -1; минимальный риск соответствует значениям от -1 до -2; средний – от -2,1 до -3,9, максимальный – от -4 и ниже.

В целом, свыше половины населения находятся в зоне максимальных и средних рисков, связанных с иждивенческой нагрузкой (Рисунок 7). При этом гендерная принадлежность не играет в данном случае практически никакой роли, чего нельзя сказать о возрастных различиях. В «красной зоне» находится большинство представителей возрастной когорты старше 55 лет, где сосредоточены почти все пенсионеры и значительная доля инвалидов.

Как показано на Рисунке 8, в сельской местности свыше половины населения находятся в зоне максимальных или средних демографических рисков. Среди представителей одних и тех же возрастных когорт, сельские жители всегда чаще находятся в зоне демографических рисков по сравнению с городскими. Среди населения сел и деревень 49,0% молодежи до 30 лет, 47,8% тех, кому 31-45 лет, 33,3% тех, кому 46-55 лет, и 66,5% тех, кто старше 55 лет, находятся в группе максимальных рисков, связанных с составом домохозяйства, в то время как те же

показатели для городских жителей, включая ПГТ, составляют, соответственно: 30,8%, 34,5%, 31,9%, 54,4%.

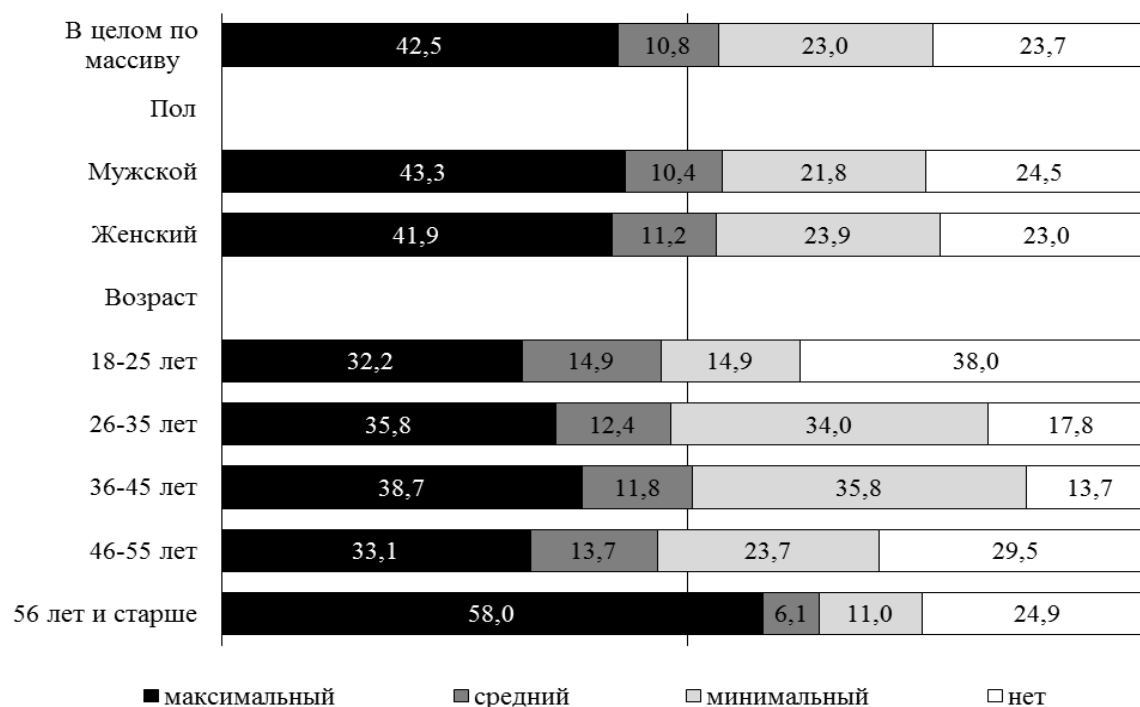

Рисунок 7 – Подверженность мужчин и женщин, а также респондентов различного возраста рискам, связанным с составом домохозяйства, 2016 г., %

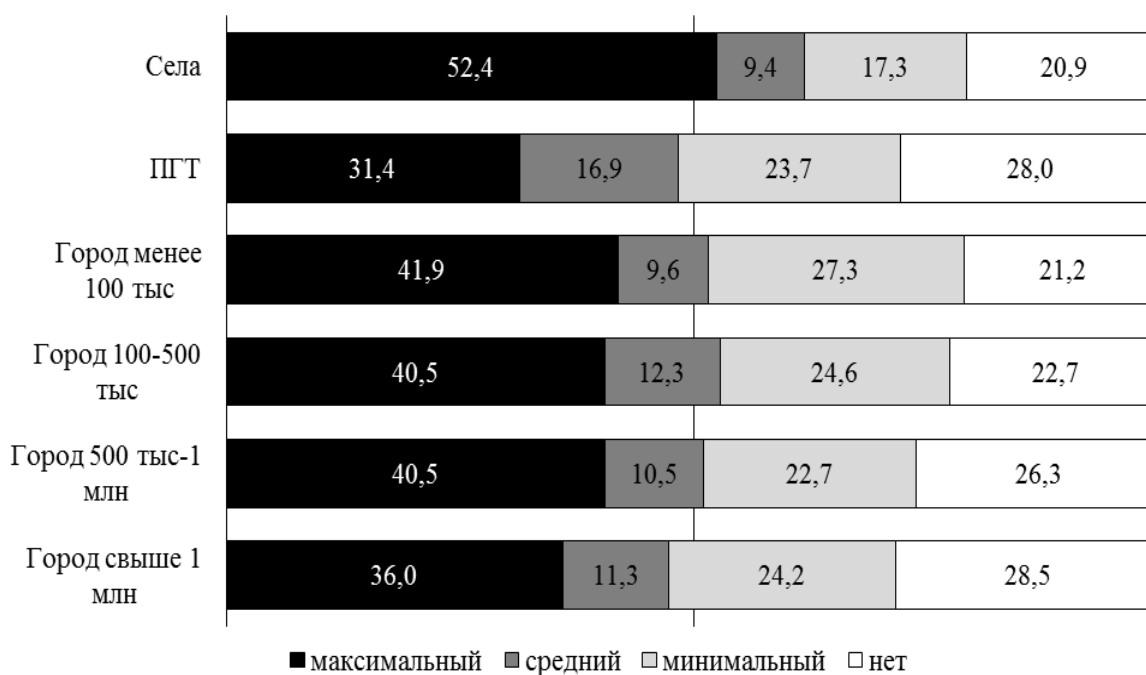

Рисунок 8 – Подверженность жителей различных типов поселений рискам, связанным с составом домохозяйства, 2016 г., %

Доля тех, кто не подвержен рискам, связанным с составом домохозяйства, практически не зависит от уровня образования. Однако, как показано на Рисунке 9, доля тех, кто находится в «красной зоне», с ростом уровня образования все-таки уменьшается. Причем особенно сильно эта тенденция прослеживается среди молодежи до 30 лет – в группе максимального и среднего риска находится 45,5% тех, у кого нет профессионального образования, и лишь 24,6% имеющих высшее (включая незаконченное). Возможно, это связано с тем, что молодые люди, получающие образование, откладывают момент рождения детей на более поздние периоды жизни, когда они смогут обеспечить себе более устойчивое материальное положение.

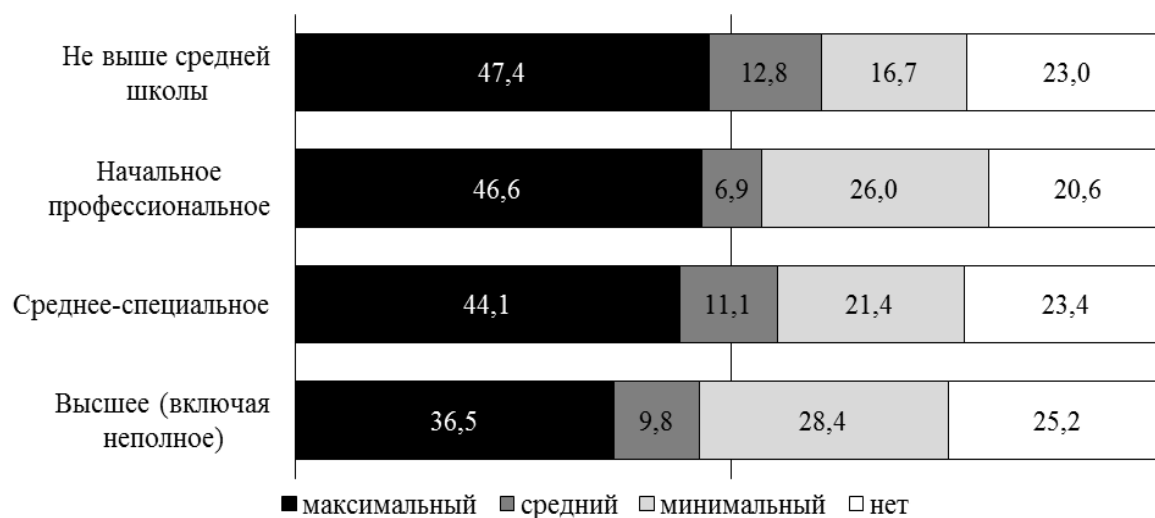

Рисунок 9 – Подверженность респондентов с разным уровнем образования рискам, связанным с составом домохозяйства, 2016 г., %

Для специалистов высшей и средней квалификации, а также руководителей, вероятность попадания в зону максимальных рисков, связанных с составом домохозяйства, немного ниже, чем для рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания (Рисунок 10).

И, наконец, учитывая тот факт, что уровень среднедушевых доходов в домохозяйстве напрямую зависит от количества в нем иждивенцев, можно ожидать высокую степень взаимосвязи этих показателей между собой. И, действительно, две трети тех, чьи среднедушевые доходы не превышают прожиточного минимума, находятся в зоне максимального и среднего риска данного типа. В то же время, доля таких людей среди наиболее обеспеченных (со среднедушевыми доходами выше

3ПМ) составляет всего около четверти группы, а подавляющее их большинство вообще не испытывает на себе рисков, связанных с составом домохозяйства (Рисунок 11).

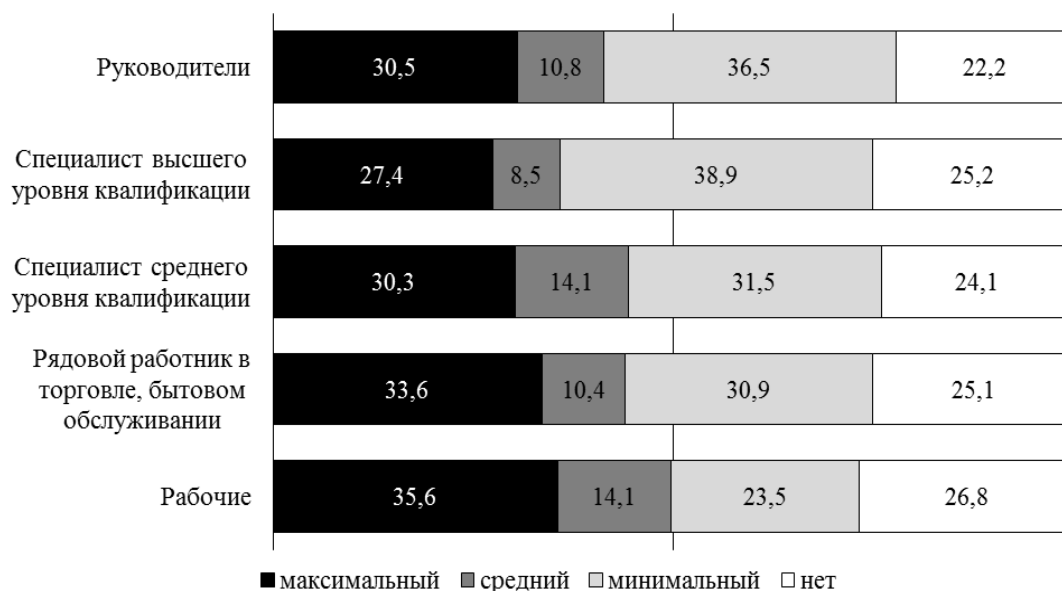

Рисунок 10 – Подверженность респондентов с различным социально-профессиональным статусом рискам, связанным с составом домохозяйства, 2016 г., % от работающих

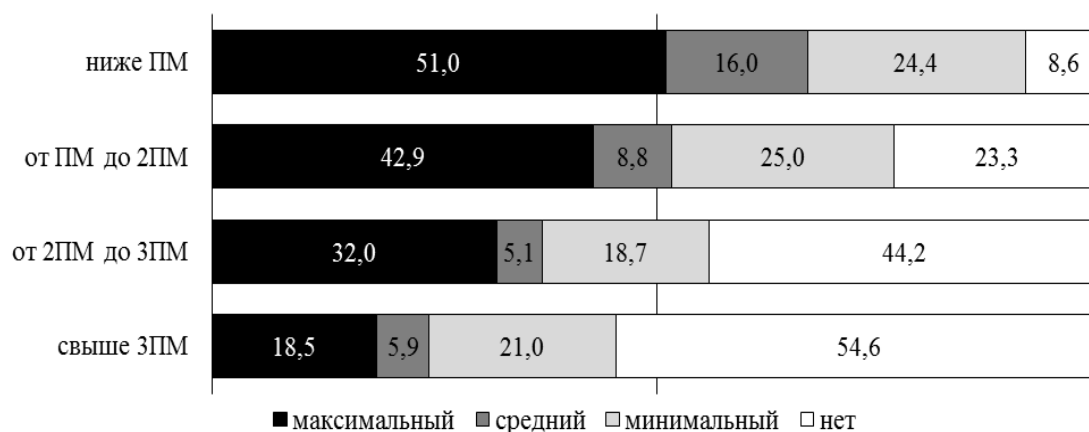

Рисунок 11 – Подверженность респондентов с различным уровнем дохода рискам, связанным с составом домохозяйства, 2016 г., %

В целом, подверженные максимальным рискам, связанным с составом домохозяйства, концентрируются среди населения пенсионного возраста, жителей сельской местности и наименее обеспеченных групп россиян.

1.3 Риски ухудшения жилищных условий

По данным исследования, 84,6% населения имеют жилье в собственности, у 6,5% оно предоставлено ведомством или предприятием (служебное), у 6,5% – арендовано, и у 1,3% – куплено в рамках ипотечного кредитования. Если взглянуть на эти показатели с точки зрения рисков, то очевидно, что в наиболее сложной ситуации находятся те, кто арендует жилплощадь или платит по ипотечному кредиту.

Ухудшение экономического положения может привести к тому, что человек, обремененный необходимостью выплачивать аренду или ипотеку, не сможет совершать соответствующие выплаты, что влечет за собой либо ухудшение жилищных условий (переезд в менее удобное жилье), либо смену привычной обстановки (переезд в районы с низкой арендной платой, а, значит, и менее качественной инфраструктурой). Ведомственное жилье в этом плане более надежно: по крайней мере, оно доступно, пока человек трудится на одном и том же предприятии, хотя также нет гарантий, что эта ситуация будет длиться вечно.

Исходя из данных соображений, мы построили индекс подверженности рискам ухудшения жилищных условий. Естественно, что он равен нулю среди собственников своей жилплощади; значение составляет «-1» для тех, кто живет в ведомственных или выделенных предприятием квартирах, и «-2» – для тех, кто арендует жилье или купил его по ипотечному кредиту.

Похоже, что «квартирный вопрос» более остро стоит для мужчин, нежели для женщин. При этом, ожидаемо, что в значительной степени подверженность рискам ухудшения жилищных условий уменьшается с возрастом. Так, как показано на Рисунке 12, среди населения до 25 лет почти 70% обеспечены собственным жильем, но 18,3% находится в зоне максимального риска ухудшения жилищных условий.

Тот факт, что четверть экономически и социально активного населения в возрасте 26-35 лет находится в зоне максимальных рисков ухудшения жилищных условий, вызывает тревогу, поскольку обычно на этот возраст приходится период профессионального становления, рождения детей и т.п. После 35 лет угроза ухудшения жилищных условий сокращается в 2 раза, что, скорее всего, связано с тем, что в этом возрасте люди начинают наследовать недвижимость родителей (Рисунок 12).

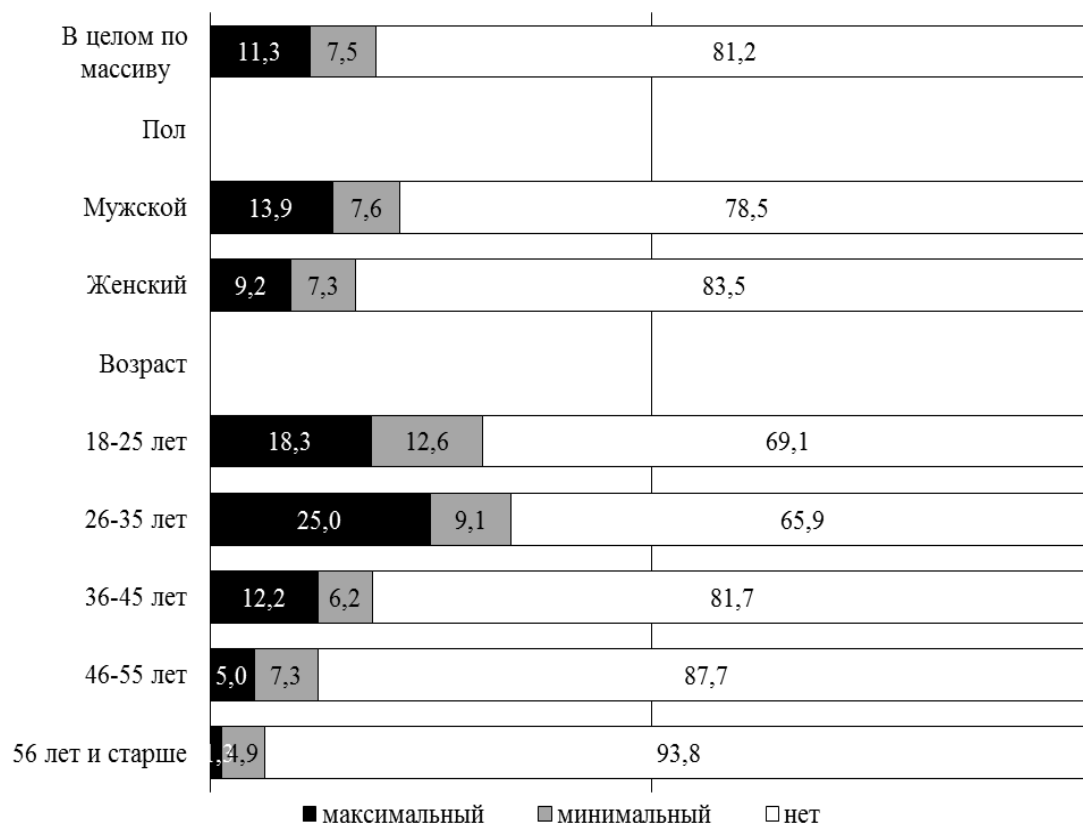

Рисунок 12 – Подверженность гендерных и возрастных групп населения рискам ухудшения жилищных условий, 2016 г., %

В поселенческом разрезе в наименьшей степени подвержены рискам ухудшения жилищных условий жители сельской местности. Для жителей городов данный показатель значимо связан с размером города (Рисунок 13).

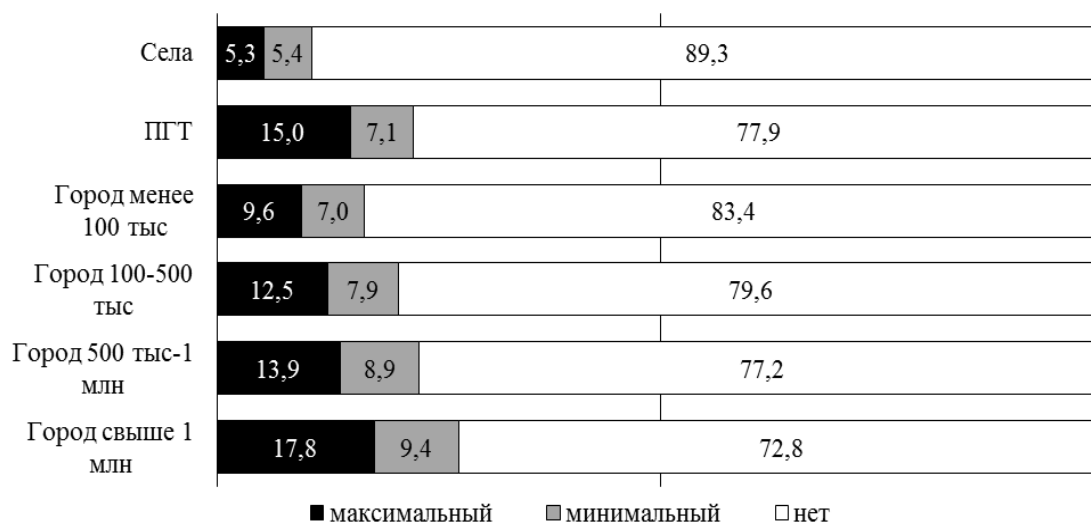

Рисунок 13 – Подверженность жителей различных типов поселений рискам ухудшения жилищных условий, 2016 г., %

Несмотря на то, что в целом для большинства населения риски ухудшения жилищных условий не актуальны, можно выделить группы, представители которых в большей степени подвержены рискам данного типа: это молодежь до 35 лет и жители мегаполисов и ПГТ. С остальными социально-экономическими характеристиками индивида данный тип риска связан менее значимо.

1.4 Кредитные риски

Любая долговая нагрузка напрямую связана с устойчивостью социально-экономического положения индивида, поскольку обслуживание долга требует регулярного «изъятия» средств из семейного бюджета. А в случае уменьшения текущих доходов (что может быть связано не только с последствиями кризиса, но, например, с рождением ребенка, выходом на пенсию, оплатой обучения и т.п.), члены домохозяйства должны сделать трудный выбор: либо дальше обслуживать долг, существенно урезая текущее потребление, либо отказаться от выплат и ощутить на себе все последствия, связанные с таким решением.

Анализ показал, что в домохозяйствах половины населения (51,7%) страны нет кредитов и займов у физических лиц, а среди остальных преобладают имеющие потребительские займы – 74,5% от имеющих долги (Рисунок 14). Большинство должников (76,2%) имеют обязательства только по одному виду кредитов (это не исключает тех случаев, когда может быть несколько кредитов одного вида), и 13,2% должников имеют просрочку.

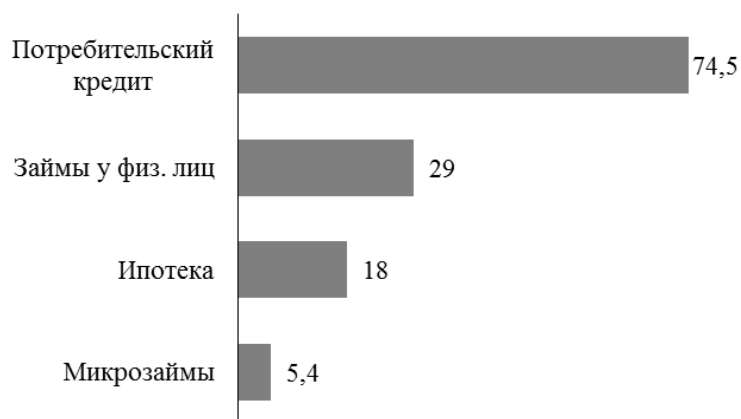

Рисунок 14 – Виды долговой нагрузки, 2016 г., % от имеющих долги

Отдельно стоит рассмотреть такой тип долга, как микрозайм, обслуживание которого стоит от одного до нескольких процентов в день. В-первых, обслуживание микрозайма обходится гораздо дороже, по сравнению с традиционными кредитами.

Во-вторых, пени и штрафы за невыполнение обязательств приводят к тому, что размер долга увеличивается очень быстро. В-третьих, слабое, по сравнению с обычными банками, государственное регулирование микрофинансовых организаций приводит к тому, что их заемщики менее защищены от недобросовестных способов взыскания просроченной задолженности. Исходя из имеющейся информации, мы построили индекс кредитных рисков, который рассчитывался следующим образом: за каждый вид долговой нагрузки, кроме микрокредита, у респондента вычитался 1 балл, за микрокредит – 2 балла, также вычитался 1 балл за наличие просроченной задолженности. Нулевое значение индекса соответствовало отсутствию кредитного риска, «-1» – минимальному его значению, «-2» – среднему, «-3» и ниже – максимальному.

Как показано на Рисунке 15, всего 14,7% населения находятся в группе максимальных и средних кредитных рисков. При этом женщины реже мужчин подвержены рискам, связанным с кредитной нагрузкой. В возрастных когортах стоит обратить внимание, что 7,1% населения в возрасте 26-35 лет находятся в зоне максимальных рисков кредитной нагрузки. На эту же возрастную когорту приходится минимальное количество тех, у кого нет никаких займов. В наименьшей степени подвержены рискам, связанным с кредитной нагрузкой, лица старше 55 лет, среди которых без малого три четверти не имеют никаких долгов.

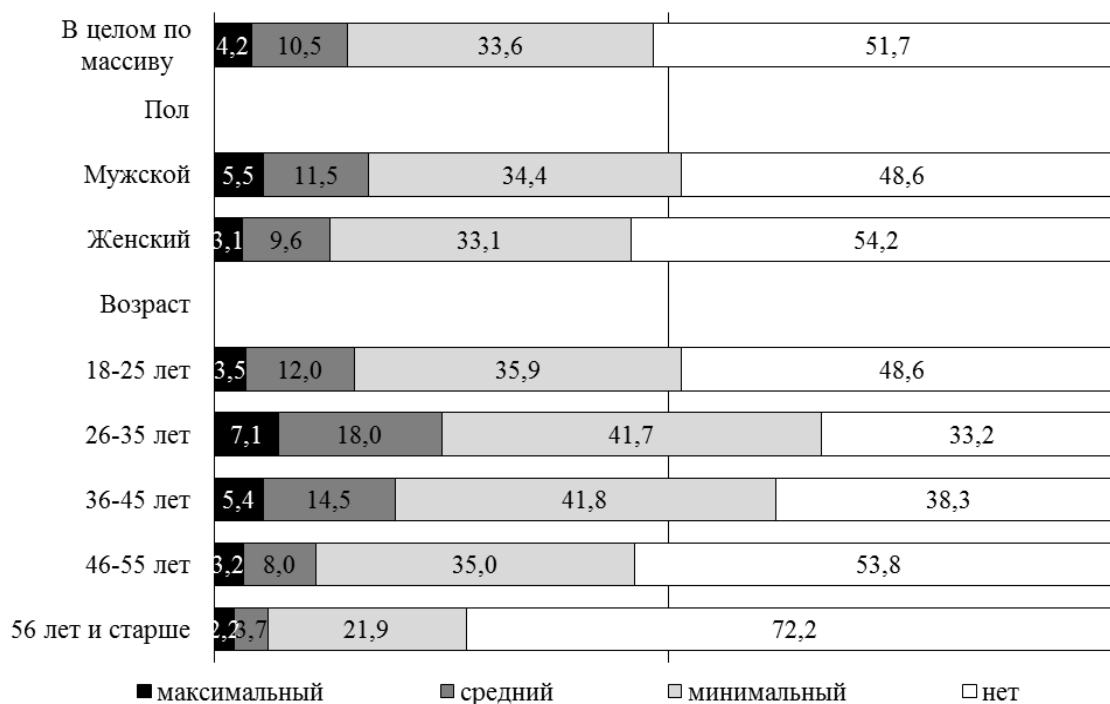

Рисунок 15 – Подверженность гендерных и возрастных групп рискам, связанным с кредитной нагрузкой, 2016 г., %

Поселенческий разрез сравнительно малозначим для рисков, связанных с кредитной нагрузкой. Меньше остальных им подвержены жители городов-миллионеров, а чаще остальных в группу максимальных рисков попадают жители ПГТ (8,5%).

Заметно чаще остальных в зону максимальных рисков данного типа попадают россияне с начальным профессиональным образованием, из которых 6,4% подвержены максимальным рискам, а еще 15,7% – средним (Рисунок 16).

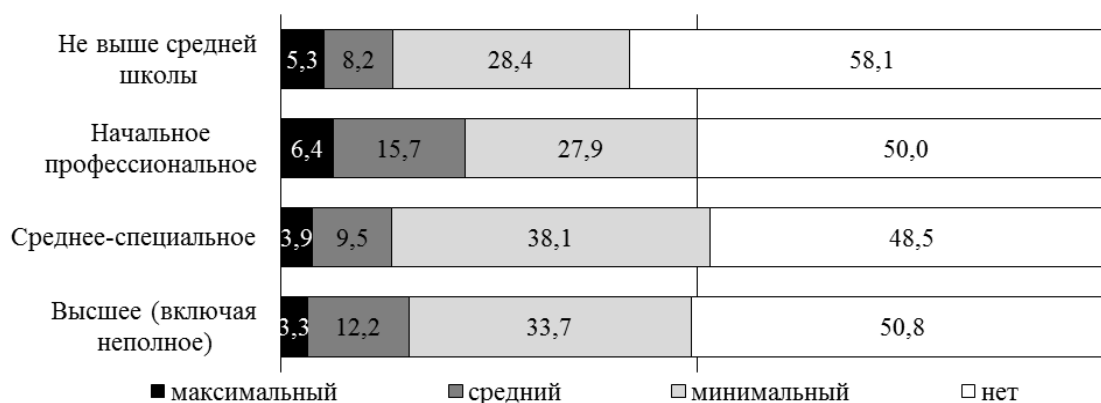

Рисунок 16 – Подверженность респондентов с разным уровнем образования рискам, связанным с кредитной нагрузкой, 2016 г., %

Подверженность рискам, связанным с кредитной нагрузкой, практически не зависит от профессионального статуса: во всех выделенных группах доля тех, кто не имеет никакой задолженности, составляет около 40%. В зоне максимальных рисков, связанных с кредитной нагрузкой, заметно чаще остальных находятся рабочие (Рисунок 17).

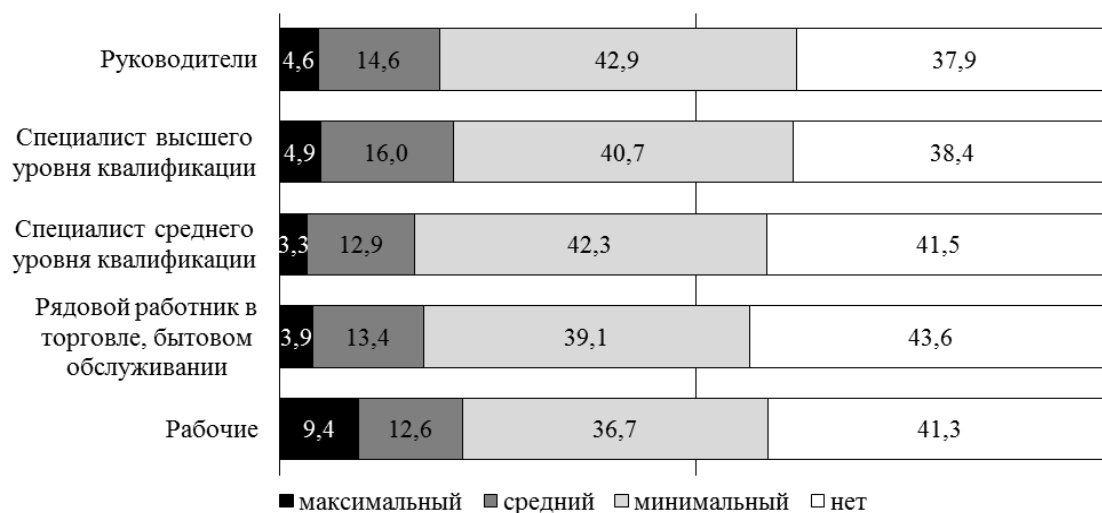

Рисунок 17 – Подверженность респондентов с различным социально-профессиональным статусом рискам, связанным с кредитной нагрузкой, 2016 г., %

Представители наименее обеспеченных слоев населения, с доходами ниже прожиточного минимума, реже остальных свободны от долгов (46,1%), и в этой же группе 6,4% тех, кто попадает в зону максимальных рисков, связанных с кредитной нагрузкой (Рисунок 18).

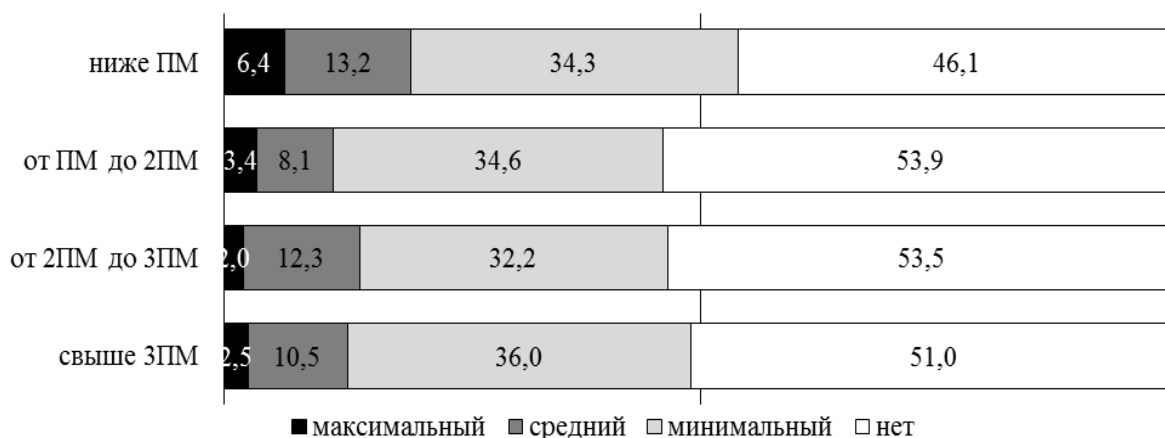

Рисунок 18 – Подверженность представителей различных доходных групп населения рискам, связанным с кредитной нагрузкой, 2016 г., %

Подводя итог, отметим, что подверженность населения рискам, связанным с кредитной нагрузкой, в первую очередь определяется распространенностью банковского потребительского кредитования (именно этот вид долговой нагрузки распространен в наибольшей степени). Кредиты чаще доступны работающим, людям среднего возраста, и имеющим достаточный для обслуживания долга доход. С другой стороны, высокий, относительно населения в целом, процент тех, кто находится в зоне максимальных кредитных рисков, можно наблюдать среди когорты 25-35 лет, рабочих, лиц с начальным профессиональным образованием и жителей ПГТ. Это может свидетельствовать о низком уровне финансовой грамотности многих представителей данных групп, которые, наращивая долговую нагрузку, ставят под угрозу устойчивость своего финансового положения.

1.5 Риски, связанные с сокращением потребления

Сокращение потребления, вызванное необходимостью экономить в условиях роста цен и снижения доходов, является распространенным способом адаптации населения к кризисным условиям. И действительно, за прошедший год стали экономить около 70% россиян, независимо от того, в поселениях какого типа они проживают. При этом, естественно, что представители различных социально-экономических групп населения характеризовались разной склонностью к экономии, хотя даже среди наиболее обеспеченных слоев общества не менее половины стали сокращать потребление под влиянием кризиса.

На Рисунке 19 показано, что три четверти женщин (73,9%) были вынуждены начать экономить, тогда как среди мужчин таких насчитывается несколько более двух третей. Склонность к экономии высока во всех возрастных группах, даже среди молодежи до 25 лет свыше половины (54,6%) стали экономить в течение прошедшего года. Наиболее часто прибегали к таким мерам представители возрастной когорты 36-45 лет, среди которых не экономили лишь около 20%.

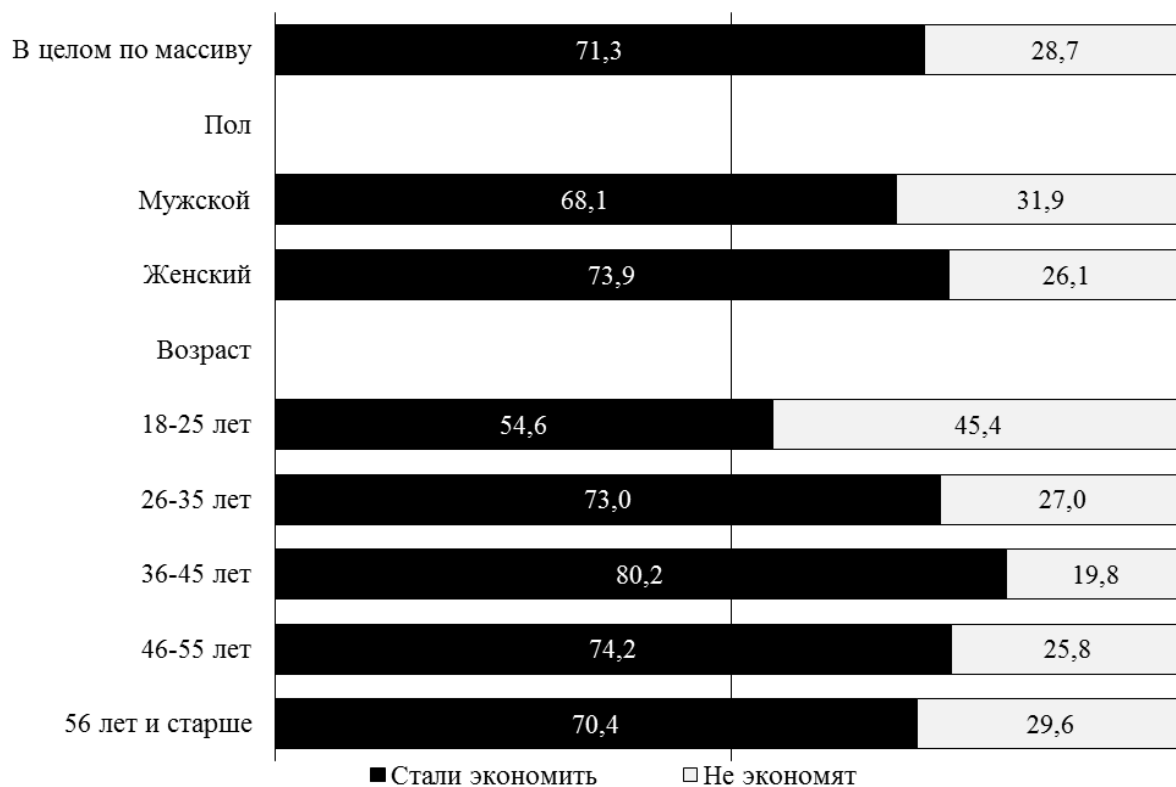

Рисунок 19 – Доля тех, кто стал экономить в течение предыдущего года, в различных гендерных и возрастных группах, 2016 г., %

Анализ групп, выделенных в зависимости от уровня образования, показал, что наиболее часто, по сравнению с остальными, начали экономить лица с начальным профессиональным образованием (79,6%), а сравнительно реже остальных, что примечательно – лица без профессионального образования (67,6%). Среди работающего населения выделяются только руководители, среди которых были вынуждены начать экономить 65,0%, и рабочие, для которых данный показатель составляет 77,9%.

Естественно, что склонность к экономии напрямую зависит от уровня среднедушевых доходов (Рисунок 20), причем эта зависимость, похоже, носит квадратичный характер, т.е. возрастает нелинейно. Однако даже среди тех, чьи среднедушевые доходы превышают ЗПМ, экономить за последний год стали более половины.

Рисунок 20 – Доля тех, кто стал экономить в течение прошедшего года среди различных доходных групп, 2016 г., %

Таким образом, экономить в той или иной степени стало большинство россиян, независимо от их доходов и других социально-демографических, а также профессиональных характеристик. Однако дальнейший анализ показал, что характер этой экономии в значительной степени различается в зависимости от социально-экономического статуса индивида. Среди тех, кто прибегал к экономии в течение последнего года, 75,7% стали экономить на одежде и обуви, 68,0% – на продуктах питания, 67,5% – на развлечениях, 57,7% – на отпуске, 38,9% – на лекарствах, 6,3% – на других категориях расходов (транспорт, включая личный, расходы на ремонт и товары длительного пользования, привычки членов домохозяйства, ЖКХ).

Факторный анализ (вращение, метод варимакс) показал, что весь спектр статей экономии можно разбить на 3 категории: экономия на привычном образе жизни (отпуск, развлечения, приобретение товаров длительного пользования), на личном потреблении (привычки, дети, одежда, обувь, ЖКХ), на всех статьях расходов (включая продукты и лекарства). В соответствии с этими результатами, мы построили индекс сокращения потребления, который одновременно позволяет оценить имеющиеся «резервы» экономии.

В целом, 71% россиян, которые прибегнули к экономии в течение последнего года, стали экономить на всем, включая продукты питания и лекарства, каждый пятый из экономящих сокращал статьи личного потребления, и только каждый десятый из рассматриваемой группы стал экономить на образе жизни. Причем гораздо чаще на всем экономят женщины, нежели мужчины (Рисунок 21).

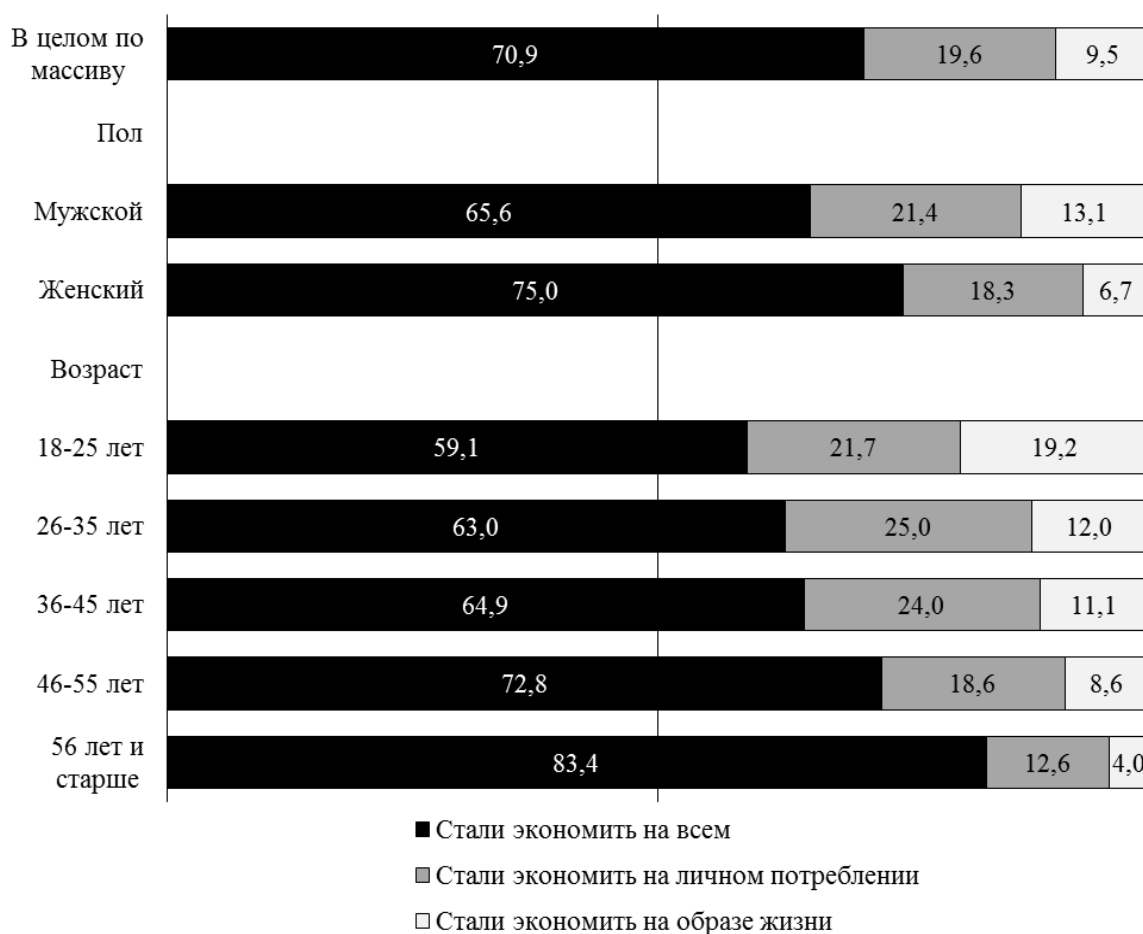

Рисунок 21 – Характер экономии представителей различных гендерных и возрастных групп населения, 2016 г., % от тех, кто начал экономить в течение последнего года

Покогортный анализ показывает, что с возрастом не только наблюдается рост доли экономящих, но в значительной степени меняется характер этой экономии. Так, среди молодежи 18-25 лет на всем, включая самое необходимое, экономят 59%, на личном потреблении – 22%, а на образе жизни – 19%. Среди тех, чей возраст лежит в диапазоне 26-45 лет, уже свыше 60% экономят на всем, четверть – на личном потреблении, и приблизительно каждый восьмой – на образе жизни. После 55 лет подавляющее большинство тех, кто вынужден экономить, сокращают потребление по всем возможным статьям, включая продукты питания и лекарства, лишь каждый восьмой в этой группе экономит только на личном потреблении, и только 4% – на образе жизни. Это не значит, что расходы на поддержание образа жизни относятся к тем, которые сокращают в последнюю очередь, скорее данные расходы изначально не были включены в личные и семейные бюджеты значительной части населения.

Данные свидетельствуют о том, что характер экономии россиян, проживающих в населенных пунктах разного типа и размера, практически не различается – около 70% экономящих жителей поселений всех типов стали экономить на всем, включая продукты и лекарства. При этом только на образе жизни экономят в большинстве случаев около 9% населения сел и городов с числом жителей не более 500 тыс. человек. В более крупных городах около 12% сокративших расходы стали экономить на образе жизни.

Если рассматривать экономящих россиян с разным уровнем образования, то особенно выделяются те из них, кто получил только начальное профессиональное образование: 78% из них стали экономить на всем, включая продукты и лекарства, и лишь 5% пока только сократили траты на поддержание привычного образа жизни (Рисунок 22). Примечательно, что характер экономии тех, кто получил высшее образование, и тех, кто не имеет никакого профессионального образования, практически не различается: около 69% представителей обеих групп экономят на всем, около 20% – на личном потреблении, и около 10% – на привычном образе жизни.

Среди работающих россиян, которые стали экономить, можно выделить руководителей, среди которых у 18% сокращение потребления коснулось только образа жизни, у 30% – личного потребления, а у 52% – всего, включая продукты и лекарства. В то же время среди рабочих соответствующие показатели составили 75%, 14% и 10,5% (Рисунок 23). Характер экономии специалистов среднего и высшего уровня квалификации приблизительно похож, а рядовые работники торговли чаще стали экономить на всем, включая продукты питания и лекарства, и заметно реже, по сравнению с остальными, сумели сократить расходы на поддержание привычного образа жизни.

Рисунок 22 – Характер экономии представителей различных образовательных групп, 2016 г., % от тех, кто начал экономить в течение последнего года

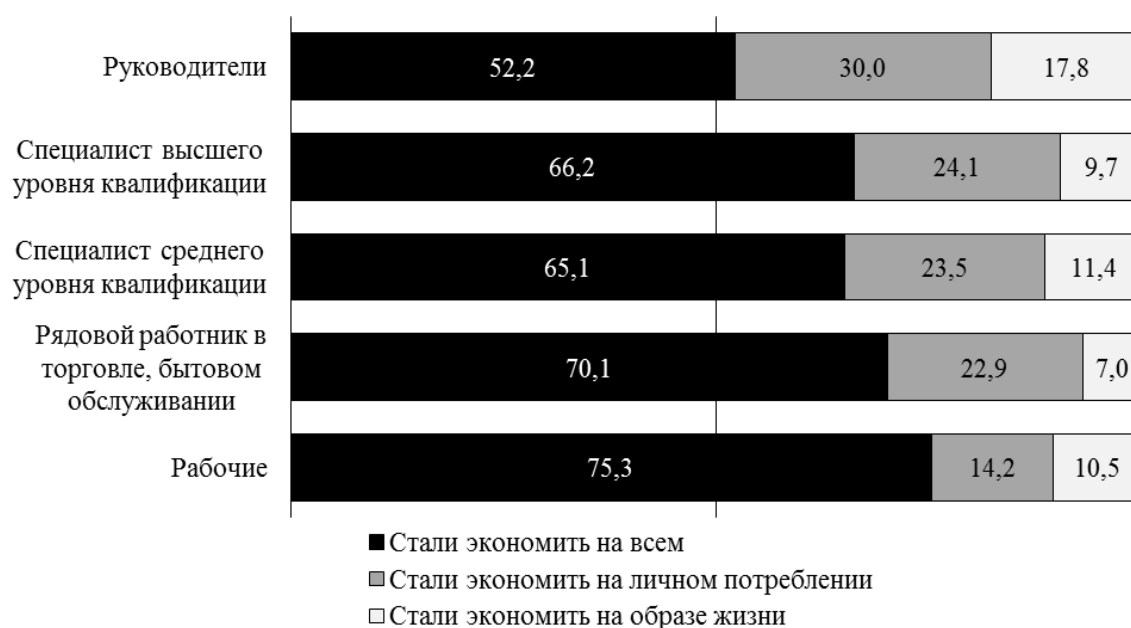

Рисунок 23 – Характер экономии представителей различных социально-профессиональных групп, % от тех, кто начал экономить в течение последнего года

Представители различных доходных групп по-разному могут позволить себе сокращать потребление. Как показано на Рисунке 24, свыше 70% экономящего населения с доходами не выше 2ПМ стали сокращать расходы по всем статьям,

включая продукты питания и лекарства, и около 20% ограничили личное потребление. В наиболее благополучной ситуации ожидаемо находятся те россияне, чьи доходы превышают 3ПМ – они не только реже остальных стали экономить, но и только у 55% из тех, кто стал сокращать потребление, «пострадали» все статьи расходов, включая продукты питания и лекарства, а у четверти экономия коснулась только образа жизни.

Рисунок 24 – Характер экономии представителей различных доходных групп, 2016 г., % от тех, кто начал экономить в течение последнего года

Возвращаясь к вопросам рисков, отметим, что экономия на самом необходимом – продуктах питания и лекарствах – может быть сигналом того, что домохозяйство, а значит и все входящие в него индивиды, находится на грани выживания. Более того, домохозяйство, длительное время экономящее на самом необходимом, в большинстве случаев вряд ли сможет вернуться к своему прежнему социально-экономическому статусу, поскольку ресурсов для этого у него не будет, как и возможностей их нарастить. Кроме того, и для выходцев из этого домохозяйства вероятность восходящей вертикальной мобильности сокращается – скорее всего, они рано начнут работать и поэтому не смогут получить образование, необходимое для достижения более высокого по отношению к родительской семье социального статуса. Таким образом, характер экономии напрямую отражает угрозы социально-экономическому положению домохозяйства: отсутствие экономии означает, что рисков нет, экономия на образе жизни соответствует минимальному риску, экономия на личном потреблении – среднему уровню риска, экономия на самом необходимом – максимальному уровню.

Проведенный выше анализ показал, что в группу максимальных рисков, связанных с сокращением потребления, попадают свыше половины женщин, лиц старше 35 лет, городских жителей, лиц с начальным и средним профессиональным образованием, рабочих, а также тех, чьи доходы не превышают 2ПМ.

1.6 Индекс рисков устойчивости социально-экономического положения

В расчет индекса рисков устойчивости социально-экономического положения (ИРП) были включены все виды рисков, рассмотренных выше. Для того, чтобы соблюсти размерность, мы объединили средний и максимальный уровни рисков¹, соответственно перекодировав шкалу для каждого вида риска от 0 до -2. Затем простым суммированием мы получили ИРП, который принимает значения от -10 до 0. Среднее значение полученного индекса составило -3,8, медианное – -4, модальное – -4, минимальное – -10, максимальное – 0 (Рисунок 25).

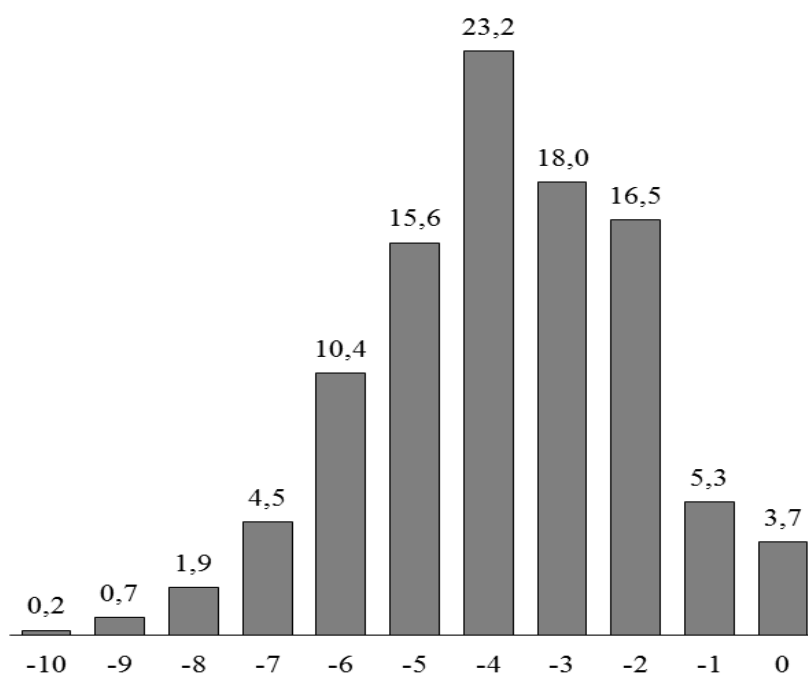

Рисунок 25 – Распределение ИРП, 2016 г., %

¹ Исходя из того, что вероятность потери работы для незанятого населения равна нулю, мы приняли, что для этой группы населения риск потери занятости отсутствует

Как показано на Рисунке 25, совсем небольшая часть россиян находится в благоприятной группе отсутствия рисков ухудшения социально-экономического положения – всего менее 4%, еще для около 5% эти риски минимальны. Логика построения ИРП предполагает, что для незанятого населения риск потери занятости равен нулю. С другой стороны, работающие настолько отличаются от неработающих по всем характеристикам, включая возраст, уровень образования и, самое главное, уровень доходов, что мы просто не можем объединять их в единую группу. Об этом же свидетельствуют и описательные статистики: медиана ИРП для работающих находится на уровне -4 балла, а для неработающих – -3 балла. Этот момент необходимо было учесть при формировании групп, представители которых характеризовались бы сравнимым уровнем риска. Для работающих можно выделить группы с нулевыми (0 баллов), низкими (от -1 до -3), средними (от -4 до -5), и высокими (от -6 до -10) рисками. Для неработающих соответственно низкие риски будут лежать в диапазоне от -1 до -2 баллов, средние – от -3 до -4, а максимальные – от -5 до -8. Фактически, полученный нами индекс отражает сумму факторов, каждый из которых увеличивает вероятность ухудшения текущего социально-экономического статуса при неблагоприятном стечении обстоятельств.

С учетом проведенной корректировки, в зону высоких рисков попала почти четверть населения (24%), средних рисков – 41%, минимальных – 31%, нулевых – 4%. Другими словами, в 2016 г. относительно устойчивое социально-экономическое положение было лишь у около трети россиян, тогда как остальные находились в зоне средних и максимальных рисков ухудшения их социально-экономического положения. Более того, у 80% представителей группы максимального риска за прошедший год ухудшилось материальное положение, тогда как среди тех, кто характеризуется отсутствием рисков, соответствующий показатель составил лишь 29,0% (Рисунок 26). Таким образом, нам удалось выделить наиболее уязвимую, с точки зрения их социально-экономического положения, группу россиян – тех, кто находится в высокорисковой группе.

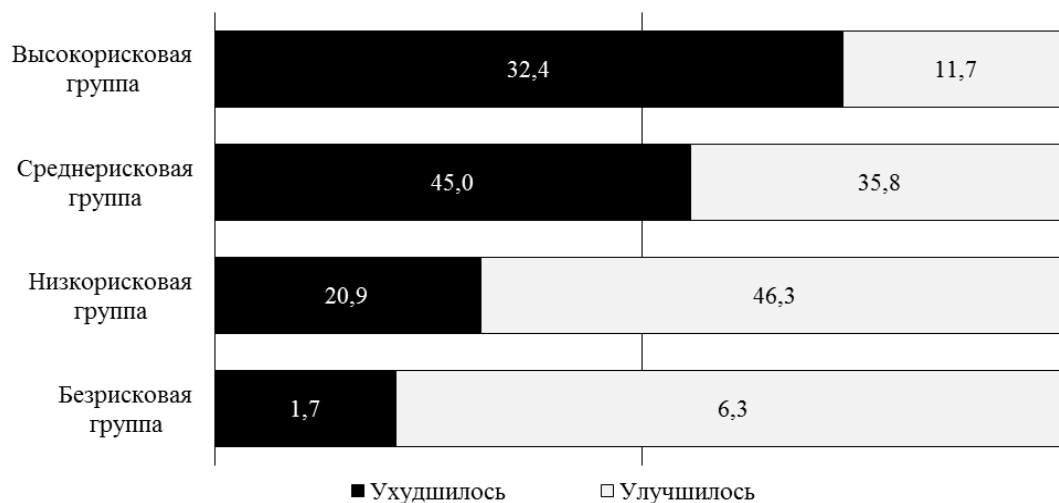

Рисунок 26 – Субъективные оценки динамики материального положения представителей групп населения с различным уровнем показателя рисков ухудшения социально-экономического положения, 2016 г., %

На Рисунке 27 показано, что наиболее сильно подвержены рискам ухудшения социально экономического положения представители возрастных когорт от 26 до 45 лет – фактически, наиболее экономически активная часть населения. Лица старшего возраста в этом плане более устойчивы. А наиболее благополучное положение у представителей молодежи 18-25 лет.

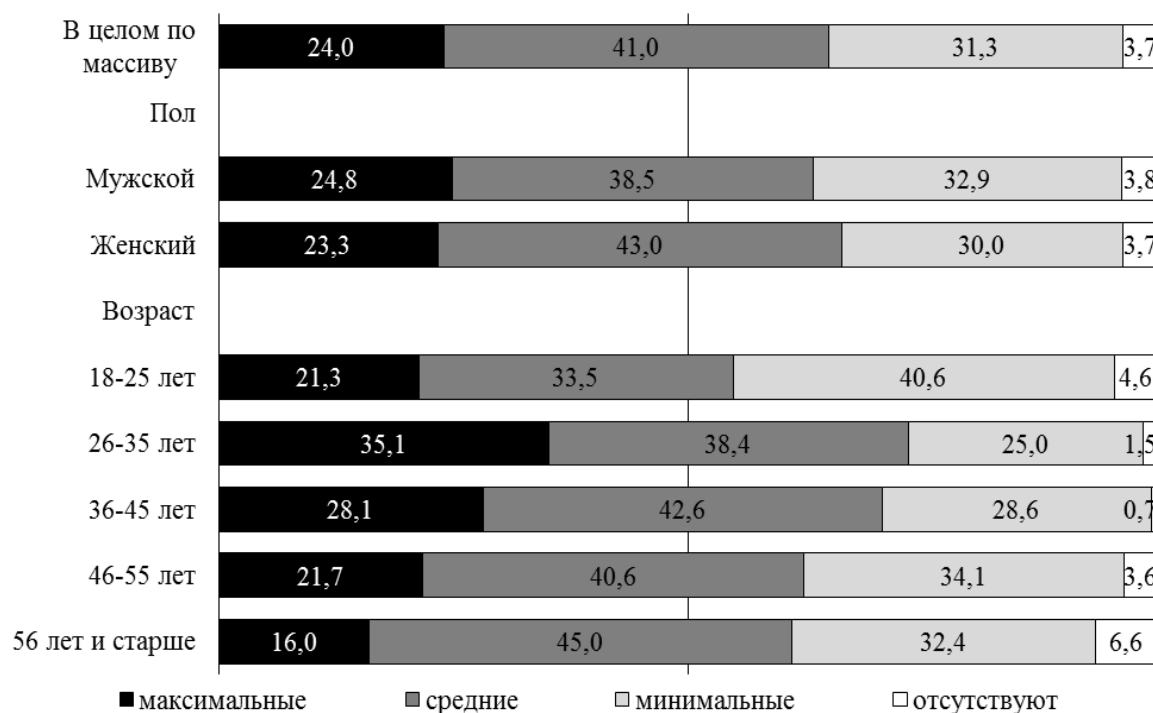

Рисунок 27 – Риски ухудшения социально-экономического положения для различных гендерных и возрастных групп населения, 2016 г., %

Тип поселения, в отличие от возрастных характеристик, не столь сильно сказывается на подверженности рискам ухудшения социально-экономического положения. Существуют некоторые вариации между городскими и сельскими жителями – среди вторых больше число тех, кто попадает в зону максимальных рисков. Среди городских жителей в зоне максимальных и средних рисков ухудшения социально-экономического положения чаще находятся те, кто проживает в городах численностью от 100 до 500 тысяч жителей (Рисунок 28).

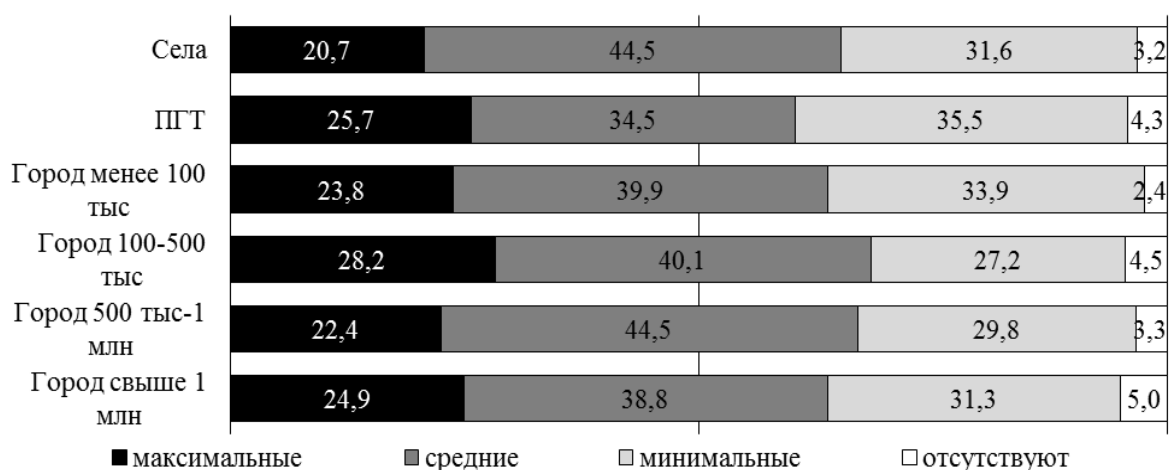

Рисунок 28 – Риски ухудшения социально-экономического положения для жителей населенных пунктов различного типа, 2016 г., %

Представители различных групп населения, выделенных по уровню образования, практически не различаются по степени подверженности рискам ухудшения социально-экономического положения (Рисунок 29).

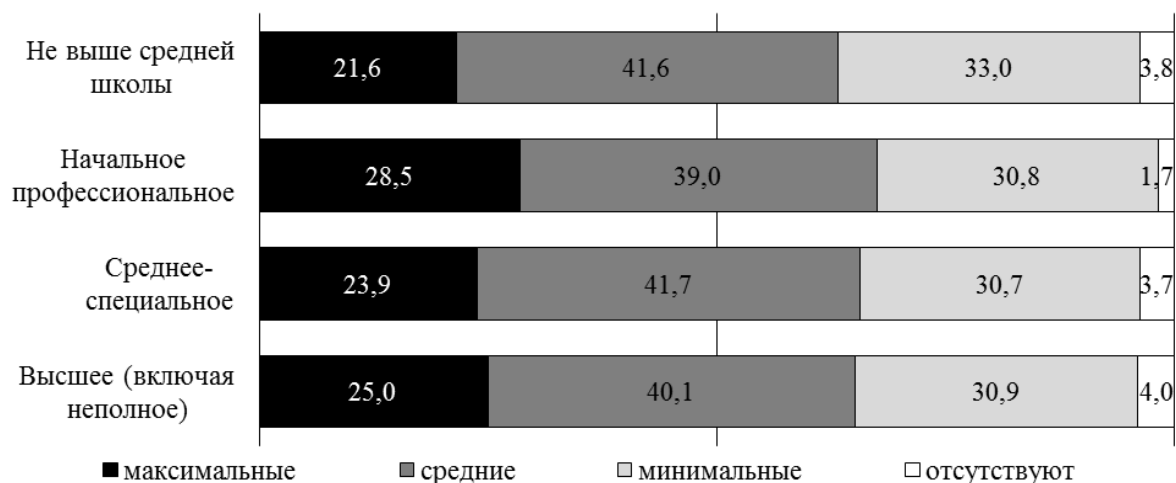

Рисунок 29 – Риски ухудшения социально-экономического положения для лиц с различным уровнем образования, 2016 г., %

Работающие россияне, в целом, чаще попадают в группу максимальных рисков, нежели неработающие (25% против 23%). С другой стороны, среди работающих больше и тех, кто подвержен рассматриваемым рискам в минимальной степени, или не подвержен вовсе (37% против 33%, соответственно). Учитывая то, что в зону высоких рисков чаще попадают лица с начальным профессиональным образованием и в возрасте 26-45 лет, неудивительно, что свыше 70% рабочих, для которых в большой степени актуальны указанные образовательные и возрастные характеристики, попадают в зону повышенных рисков ухудшения социально-экономического положения (Рисунок 30). Наиболее благополучны в этом плане, на фоне остальных работающих, руководители, среди которых 5% находятся в безрисковой зоне, и почти 41% – в зоне минимальных рисков.

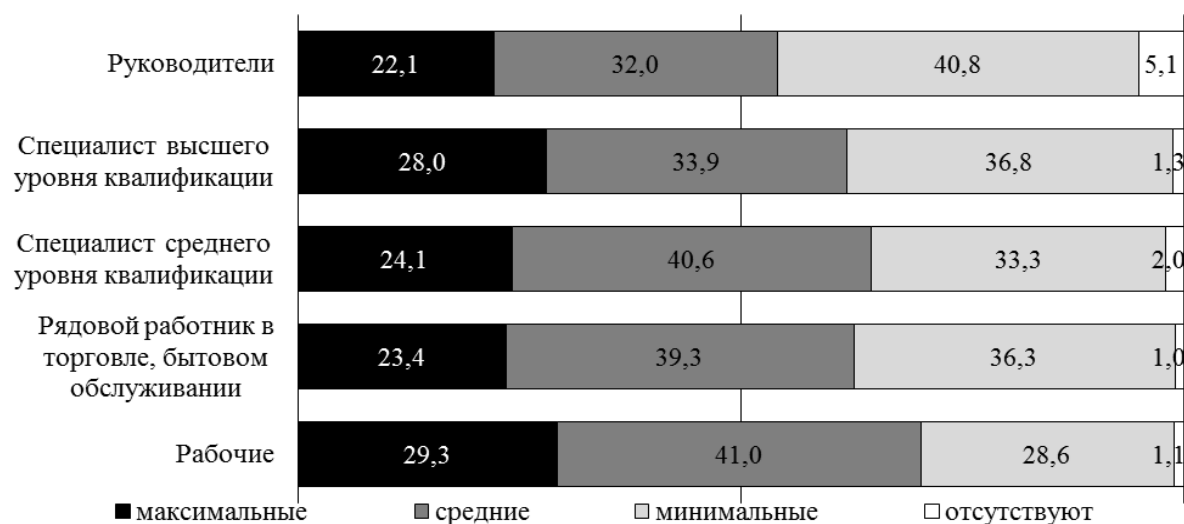

Рисунок 30 – Риски ухудшения социально-экономического положения для лиц с различным профессиональным статусом, 2016 г., %

Что касается доходов, то, судя по нашим данным, их высокий уровень является самой надежной страховкой от рисков ухудшения социально-экономического положения. Как показано на Рисунке 31, среднедушевые доходы свыше 3ПМ с вероятностью 65% гарантируют, что индивид не попадет в зону высоких и средних рисков. В же время, самый высокий процент тех, кто попадает в группу максимальных рисков, находится среди имеющих доходы, не превышающие прожиточного минимума.

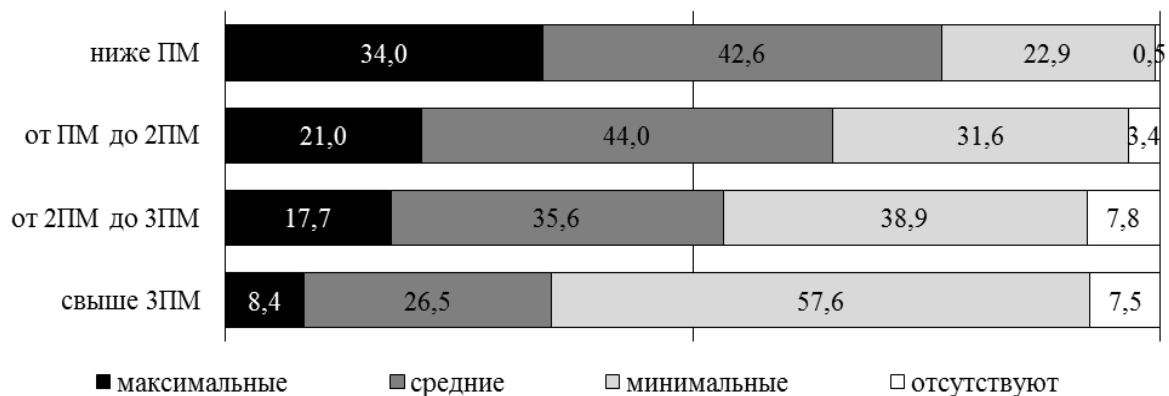

Рисунок 31 – Риски ухудшения социально-экономического положения для лиц с различным уровнем среднедушевых доходов, 2016 г., %

В то же время, более 54% тех, кто находится в группе с максимальными рисками ухудшения социально-экономического положения, имеют доходы ниже прожиточного минимума; в группе со средними рисками таких наблюдается 41%; с минимальными – почти 29%, а в безрисковой зоне – всего лишь 5,6%.

Таким образом, анализ подверженности различных социально-экономических групп населения рискам ухудшения их положения показал, что с возрастом эта вероятность уменьшается. Это отнюдь не означает, что лица старше 55 лет массово благополучны. Дело в том, что наш индекс не описывает самого социально-экономического положения. У одинокого пенсионера нет работы, а значит риск ее потери равен нулю; нет иждивенцев, что автоматически делает нулевой иждивенческую нагрузку; банки не дают кредитов; из-за низких доходов он привык экономить, а значит и риски сокращения потребления для минимальны.

Очевидно, что высокая степень подверженности всем видам рисков в наиболее активном возрасте (26-45 лет) не способствует накоплению благосостояния большинством россиян. Среди неработающих старше 55 лет (а это почти 76% от всего состава данной возрастной группы) только 19% имеют доходы выше 2ПМ (среди работающих этого же возраста данный показатель составляет 40%). Другими словами, социально-экономическое положение пенсионеров в нашей стране остается стабильно тяжелым, тогда как положение начинающей взрослую жизнь молодежи старше 25 лет и лиц младше 45 лет находится под сильнейшим прессом негативных факторов, которые не дают многим из них накапливать ресурсы для сохранения сравнительно высокого социального положения в старшем возрасте.

Существует прямая связь между уровнем доходов и степенью подверженности индивида рискам ухудшения социально экономического положения. С одной стороны, те, чьи доходы ниже прожиточного минимума, с вероятностью 76,6% попадают в группу средних и максимальных рисков. С другой стороны, среднедушевые доходы 46% находящихся в зоне максимальных и средних рисков не превышают ПМ. Другими словами, у наименее благополучных, с точки зрения устойчивости социально-экономического положения, слоев населения нет достаточных средств для того, чтобы минимизировать свои риски, а у представителей высокорисковых групп нет возможностей накапливать ресурсы для улучшения своего социально-экономического положения.

2 Ресурсы населения, снижающие риски бедности

На основании полученных данных были выявлены и оценены ресурсы, которыми обладают домохозяйства. Эти ресурсы можно рассматривать как факторы, снижающие риски бедности.

2.1 Экономический ресурс

Для операционализации экономического ресурса использовались такие показатели, как наличие существенных сбережений (на которые домохозяйство может прожить хотя бы несколько месяцев), а также наличие доходов от сдачи имущества в аренду, проценты по депозитам, доходы от ценных бумаг и т.п., другими словами, активы, которые приносят их владельцу рентные доходы.

В расчет уровня экономического ресурса вошли крупные сбережения (+1 балл) и наличие второго жилья, которое возможно сдавать (+2 балла). Таким образом, нулевые значения полученного индекса соответствовали отсутствию экономического ресурса, 1 балл – его минимальному уровню, 2 и более балла – максимальному.

Исходя из наших данных, подавляющее большинство россиян (77,6%) не имеет экономического ресурса, у 14,8% он представлен на минимальном уровне, а еще у 7,6% – на максимальном.

Выявилась связь уровня экономического ресурса индивида с местом его проживания: среди городского населения в возрасте 18-55 лет уровень обеспеченности экономическим ресурсом выше, нежели среди сельского (соответственно, 23,5% против 18,1%). Особенно высок экономический ресурс жителей крупнейших городов: свыше четверти жителей мегаполисов, исключая людей пенсионного возраста, обладают экономическим ресурсом (Рисунок 32).

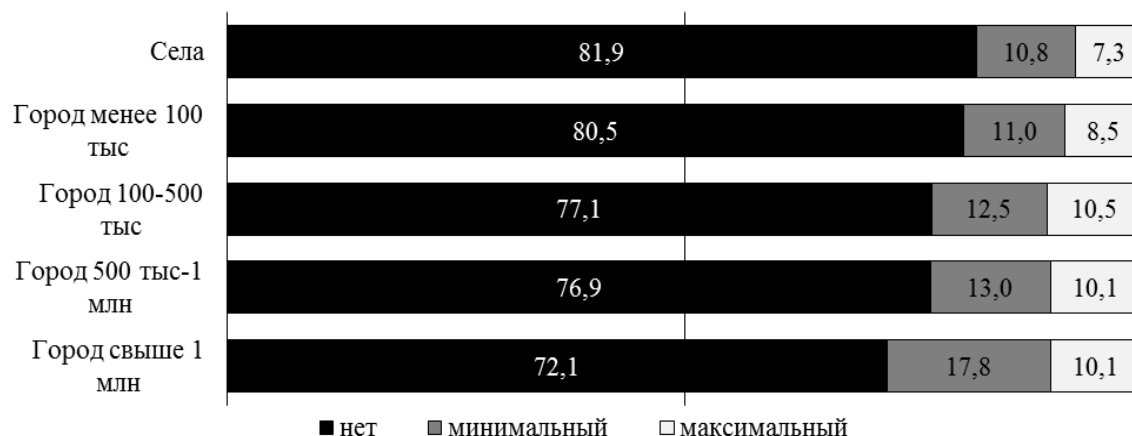

Рисунок 32 – Уровень экономического ресурса жителей различных типов поселений, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Ожидаемо, что экономический ресурс выше у имеющих высшее образование (Рисунок 33).

Рисунок 33 – Уровень экономического ресурса различных образовательных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

В то же время отметим, что среди сельского населения в возрасте 18-55 лет наличие высшего образования практически не сказывается на обеспеченности экономическим ресурсом (он не представлен у 80% данной группы населения, независимо от уровня образования). Среди жителей городов ситуация неоднозначна. С одной стороны, наиболее часто среди лиц с высшим образованием в возрасте 18-55 лет экономическим ресурсом обеспечены жители крупных городов – его имеют почти 33% из них. С другой стороны, максимальный уровень обеспеченности

экономическим ресурсом наиболее часто встречается среди жителей средних городов (с населением 100-500 тыс.) в возрасте 18-55 лет и имеющих высшее образование – в этой группе указанный показатель составляет 18%.

Если рассматривать работающее население в возрасте 18-25 лет, то среди них наиболее часто и практически в равной степени обеспечены экономическим ресурсом те, кто занимает должности руководителей и специалистов высокой квалификации. Заметно отстают от них по уровню данного показателя специалисты среднего уровня квалификации и рядовые работники торговли и бытового обслуживания, а в наименьшей степени экономический ресурс представлен среди рабочих, 85% представителей которых в возрасте 18-55 лет им не обеспечены (Рисунок 34).

Рисунок 34 – Уровень экономического ресурса среди работающих россиян в зависимости от их профессиональных позиций, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Наконец, напрямую связан с обеспеченностью экономическим ресурсом показатель среднедушевого дохода. Как показано на Рисунке 35, среди населения в возрасте 18-55 лет экономический ресурс отсутствует у 86% тех, чей среднедушевой доход не превышает одного прожиточного минимума, в то время как этим видом ресурса обеспечены без малого 50% тех, чьи среднедушевые доходы превышают ЗПМ.

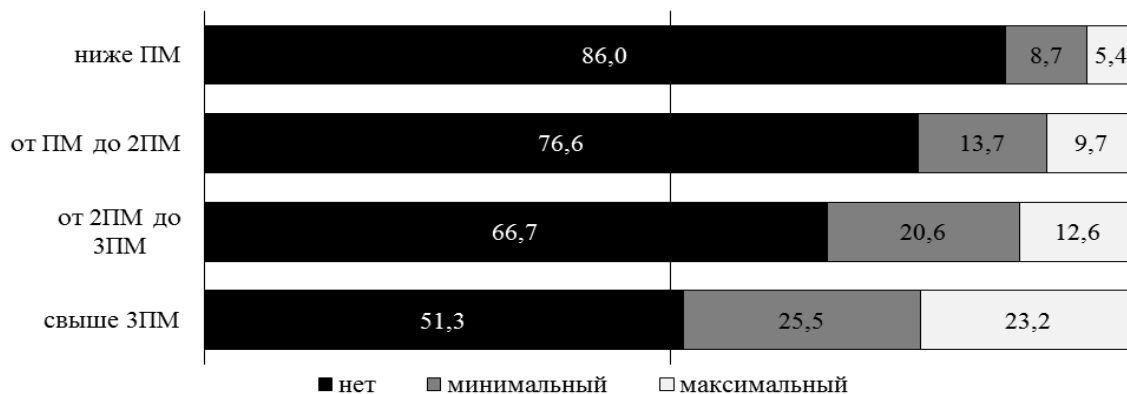

Рисунок 35 – Уровень экономического ресурса различных доходных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Таким образом, если рассматривать все население, то экономический ресурс представлен у 56,5% россиян с высшим образованием, проживающих в мегаполисах и имеющих доходы не ниже 2ПМ.

2.2 Квалификационный ресурс

Квалификационный ресурс оценивался через наличие профессионального образования (+1 балл) и его соответствие профилю выполняемой работы (+1 балл). В результате, полученный индекс отражает не только наличие квалификации (соответствующего образования), но и ее капитализацию – получение работы по профилю образования и, главное, сохранение занятости в сложных экономических условиях.

Результаты построения индекса, отражающего уровень квалификационного ресурса, свидетельствуют о том, что он отсутствует только у 23,6% россиян, у 51,1% его уровень был минимальным, а у 25,3% – максимальным.

Среди группы населения в возрасте 18-55 лет, общие показатели обеспеченности квалификационным ресурсом несколько отличаются в большую сторону (Рисунок 36).

Гендерная принадлежность на уровень квалификационного ресурса индивида не влияет. Среди молодежи 18-25 лет высок процент тех, кто не имеет квалификационного ресурса, поскольку процесс получения профессионального образования приходится, в основном, на эти возраста. И уже среди тех, кто старше 25 лет, ни степень обеспеченности квалификационным ресурсом, ни его уровень практически не различаются.

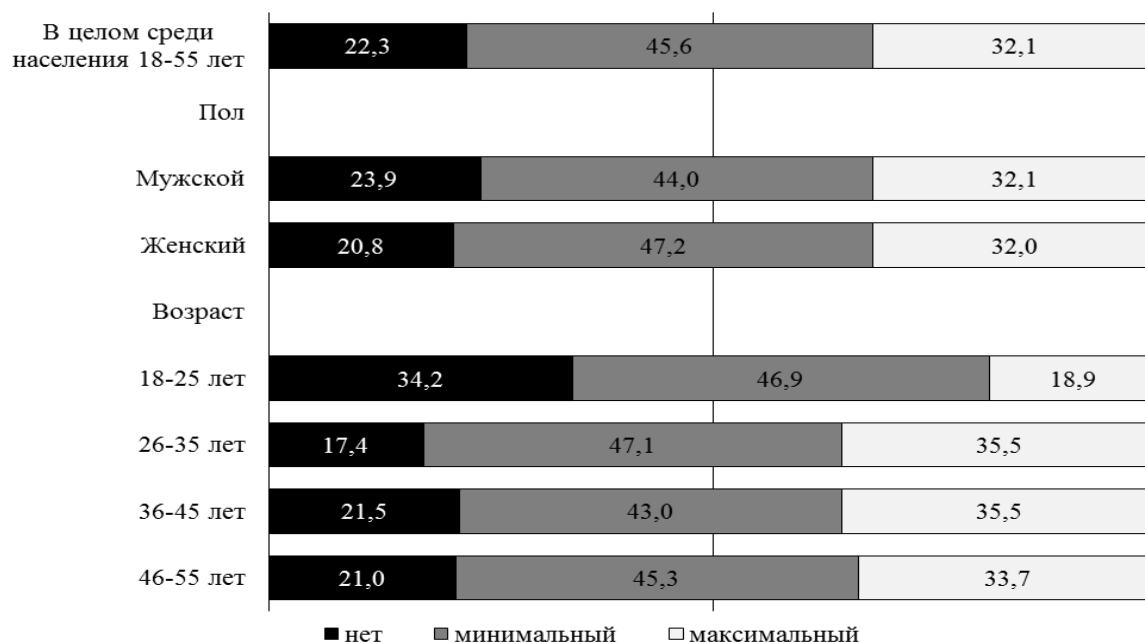

Рисунок 36 – Уровень квалификационного ресурса гендерных и возрастных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Значительные вариации в уровне квалификационного ресурса наблюдаются у городских и сельских жителей. Как показано на Рисунке 37, в сельской местности около трети населения в возрасте 18-55 лет не имеют квалификационного ресурса, тогда как среди городских жителей тех же возрастов доля тех, чей уровень квалификационного ресурса соответствует минимальным показателям рассчитанного индекса, составляет 19,0%.

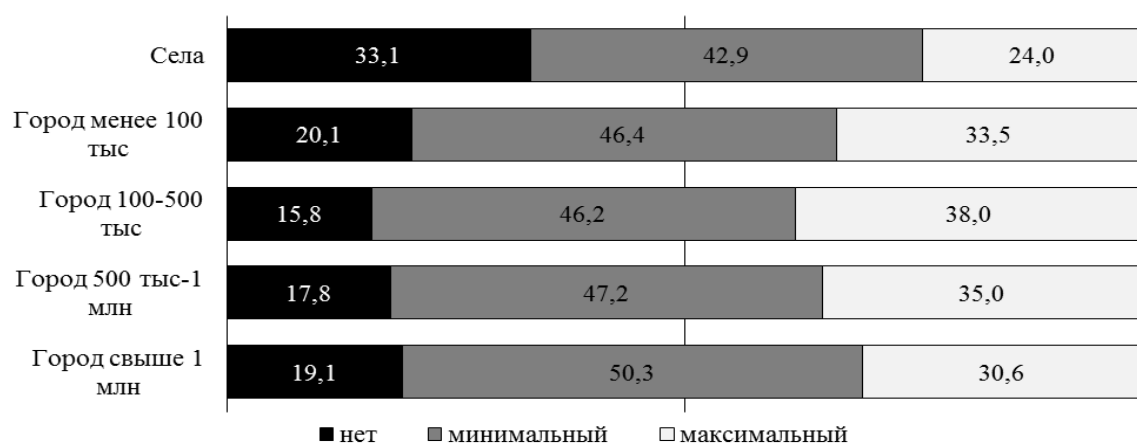

Рисунок 37 – Квалификационный ресурс жителей различных типов поселений, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

По условиям построения, уровень квалификационного ресурса тех россиян, кто не получил профессионального образования, равен нулю. Среди остальных же

максимальный уровень наиболее часто (в 46% случаев) встречается у имеющих высшее образование (Рисунок 38).

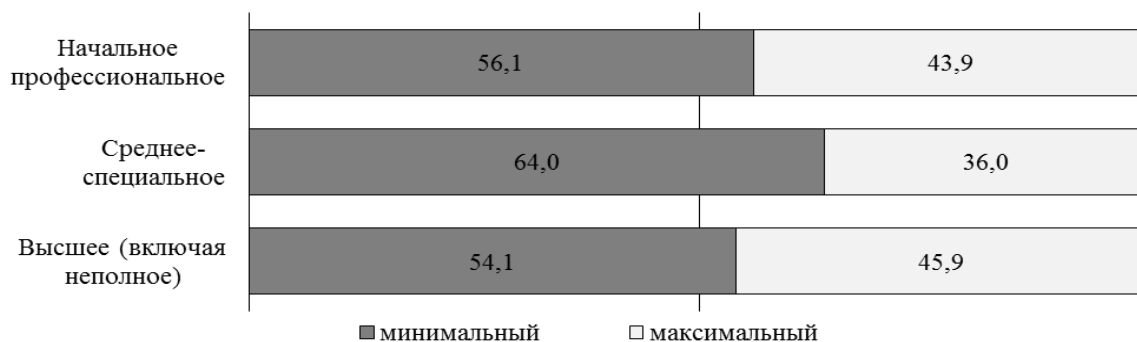

Рисунок 38 – Уровень квалификационного ресурса образовательных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Максимальные значения соответствующего индекса наблюдаются у тех, кто занимает позиции специалистов с высшим уровнем квалификации, среди которых у трех четвертей опрошенных данный вид ресурса представлен на максимальном уровне, а у 24% – на минимальном. У 45,5% рабочих рассматриваемый показатель равен нулю, у 39,6% он представлен на минимальном уровне, и только лишь среди 15% – на максимальном (Рисунок 39).

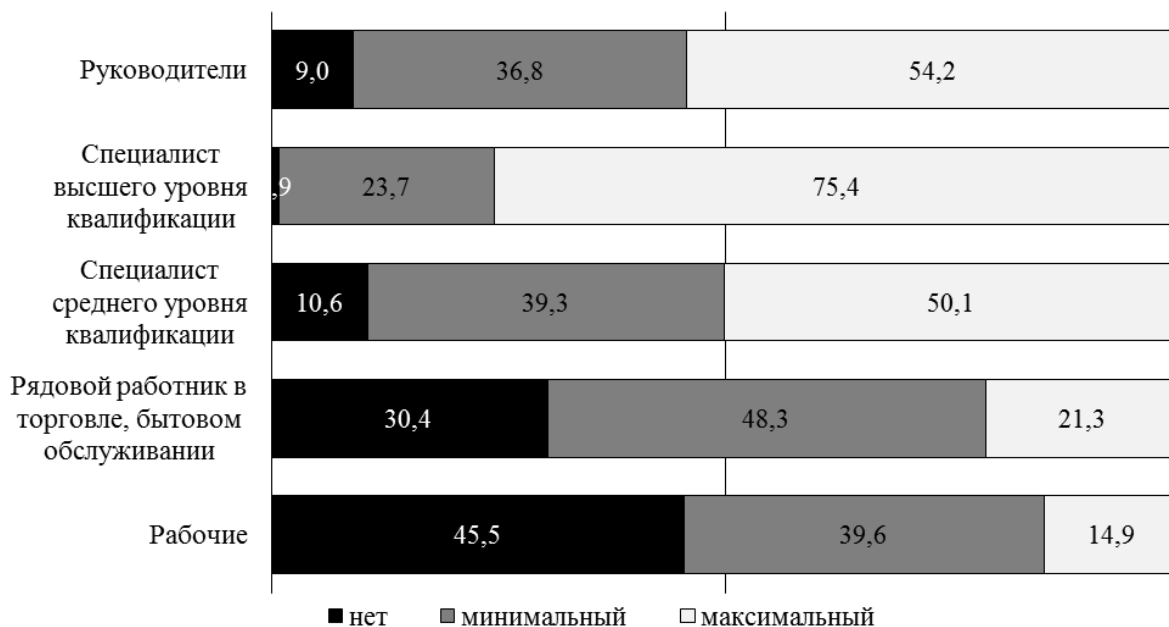

Рисунок 39 – Уровень квалификационного ресурса у работающих россиян в зависимости от их профессиональных позиций, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Учитывая специфику состояния квалификационного ресурса городских и сельских жителей, можно отметить, что даже в городах только у 17% рабочих в возрасте 18-55 лет уровень ресурса максимален, а у 38,5% равен нулю.

Что касается наличия и качества квалификационного ресурса среди представителей различных доходных групп, то, как показано на Рисунке 40, наиболее часто нулевые значения соответствующего индекса встречаются среди тех, чьи среднедушевые доходы не превышают прожиточного минимума – в рассматриваемой группе населения 18-55 лет таких наблюдается почти 30%. В остальных доходных группах этот показатель в 2 и более раз ниже. При этом среди тех, чьи среднедушевые доходы составляют 1-2 ПМ, только треть имеют максимальные значения уровня квалификационного ресурса, тогда как в группах с более высокими среднедушевыми доходами соответствующий показатель достигает без малого половины группы.

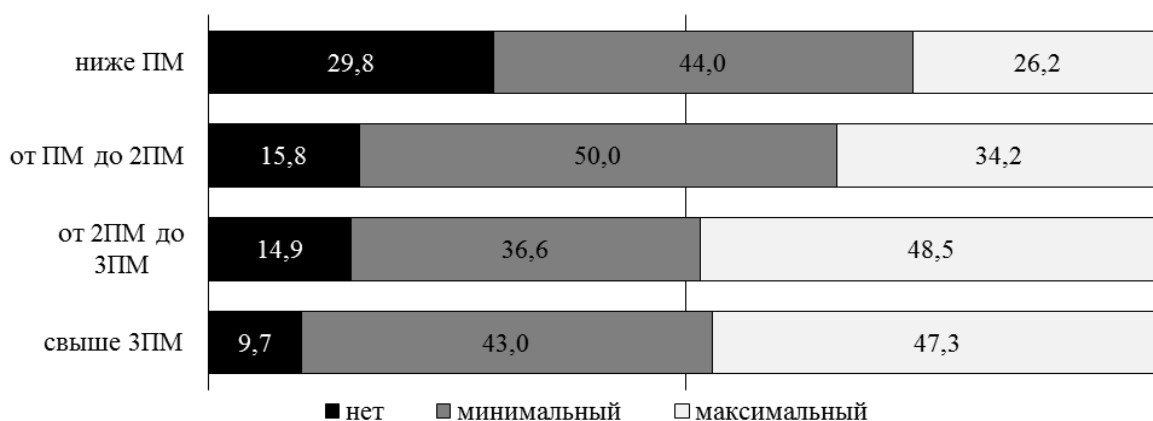

Рисунок 40 – Уровень квалификационного ресурса в различных доходных группах населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

В целом, наличие квалификационного ресурса и его качество в значительной степени связаны с уровнем доходов. Даже среди рабочих в возрасте 18-55 лет доходы выше прожиточного минимума соответствуют более высокому уровню квалификационного ресурса – его нулевые значения наблюдаются у 34,0% представителей этой группы, а у 18% они максимальны, тогда как в самой низкодоходной группе соответствующие показатели составляют 54,5% и 12,7%.

2.3 Социальные связи

Исследования показывают, что социальные связи в российских часто условиях имеет ключевое значение, замещая собой другие виды ресурсов, в первую очередь, квалификационный. Это проявляется в том, что благодаря связям человек может, например, получить тот профессиональный статус, который не соответствует его уровню образования или опыту работы. Для операционализации социального ресурса обычно используются индикаторы, отражающие источники помощи, имеющиеся у индивидов, которыми они могут воспользоваться в сложной жизненной ситуации. Согласно нашим данным, 76% россиян предполагали, что смогут рассчитывать только на себя. В то же время 39% респондентов рассчитывают, что смогут обратиться к родственникам, каждый десятый – к друзьям, 3% – к государству в лице органов социальной защиты, 2,6% – к руководству своего предприятия (организации), около 1% – к церкви и общественным организациям (Рисунок 41).

Рисунок 41 – Источники финансовой помощи в трудной жизненной ситуации, 2016 г, %

Источники помощи отличаются и характером, и тем, какой объем финансов они могут предоставить. Однако для целей нашего анализа достаточно лишь оценить количество источников помощи, которые доступны индивиду. При этом минимальная обеспеченность социальным ресурсом подразумевает только один такой источник, а максимальная – два и более.

Доступ к социальным связям в большой степени зависит от возраста (Рисунок 42). После 35 лет доля тех, у кого нет подобного социального ресурса, резко возрастает. Для сравнения, среди людей пенсионного возраста 65,4% не имеют значимых социальных связей, у 31,5% они представлены в минимальном объеме, и лишь у 3% – в максимальном. Таким образом, социальные связи, по крайней мере в форме источников помощи, с возрастом не накапливаются.

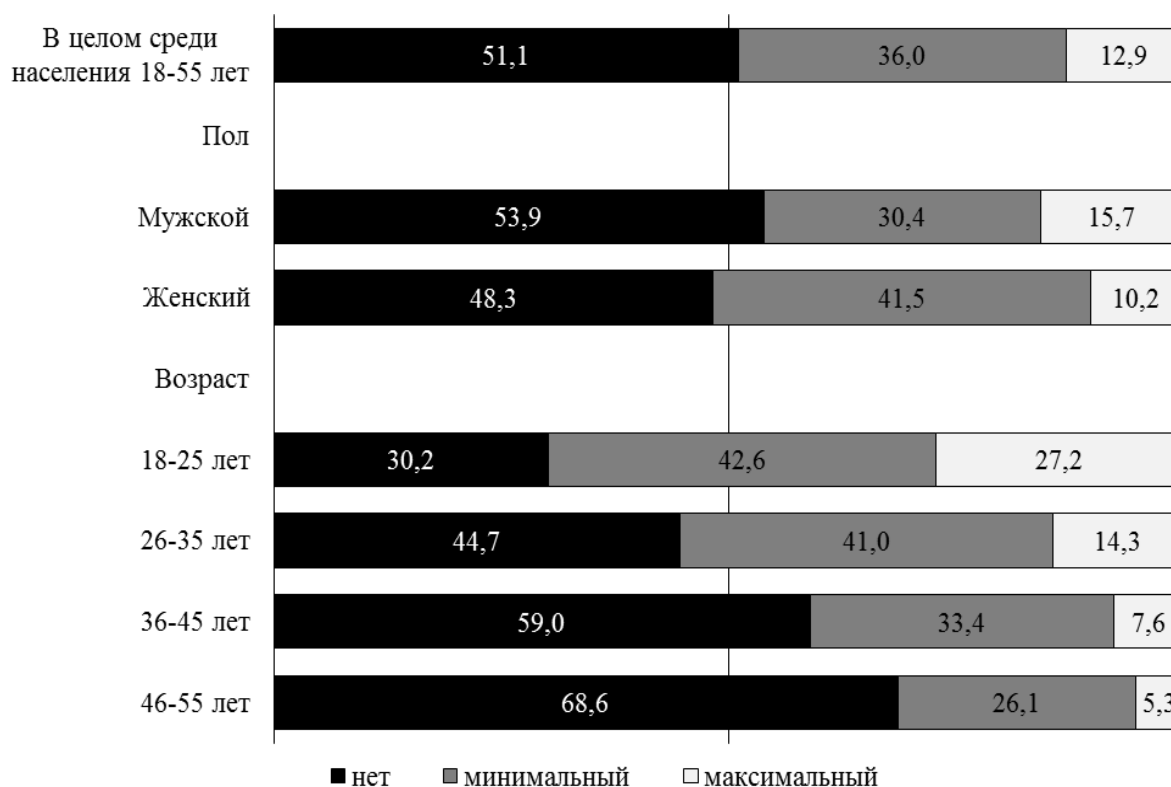

Рисунок 42 – Социальный ресурс различных гендерных и возрастных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

На Рисунке 43 показано, что наиболее часто социальные связи используются специалистами высокой квалификации – среди них только у 42,5% нет данного вида ресурса, тогда как даже среди руководителей этот показатель достигает почти 54%.

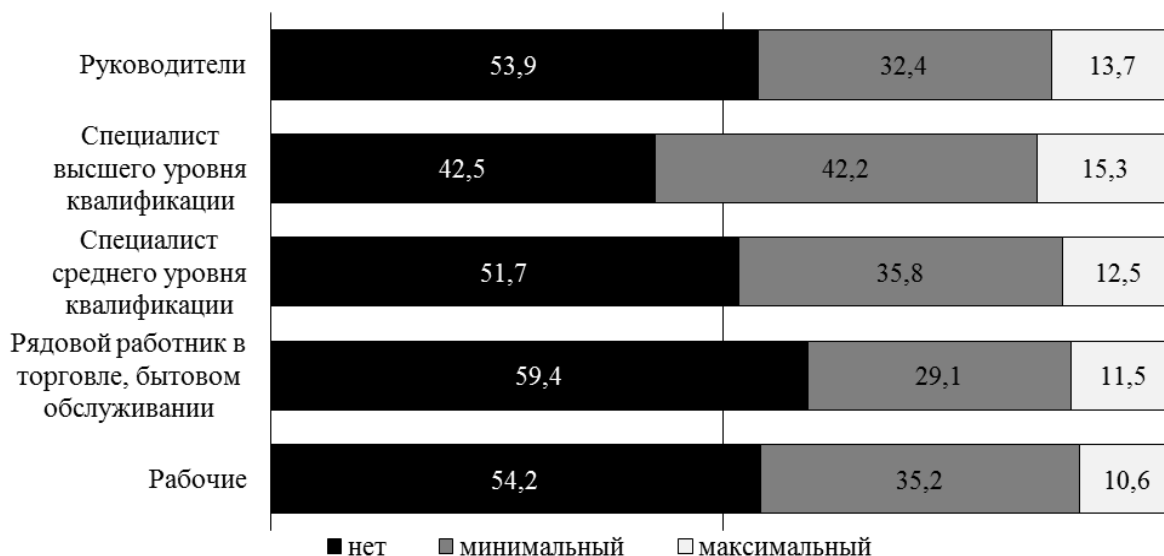

Рисунок 43 – Социальный ресурс работающих на разных статусных позициях, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

Среди респондентов со среднедушевыми доходами менее одного прожиточного минимума, почти 56% не имеют никаких источников помощи, а если и имеют, то в подавляющем большинстве случаев лишь один источник. Те же, чьи доходы превышают 3ПМ, в большинстве своем имеют доступ к социальному ресурсу, при этом пятая часть представителей данной доходной группы характеризуется самыми высокими значениями показателя ресурса (Рисунок 44).

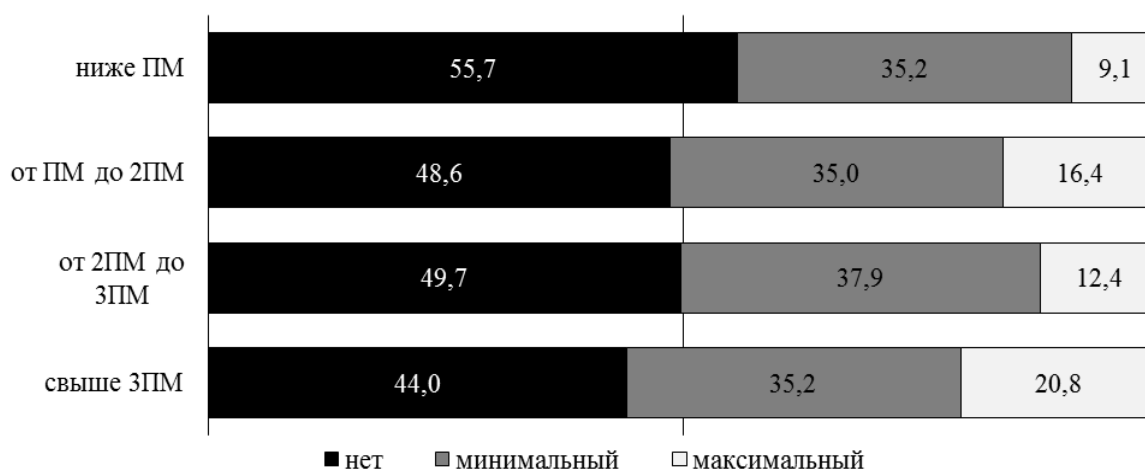

Рисунок 44 – Социальный ресурс различных доходных групп населения, 2016 г, % от тех, кому 18-55 лет

2.4 Общая ресурсообеспеченность населения

Для построения индекса ресурсообеспеченности (ИРО) мы просуммировали показатели экономического, социального и квалификационного ресурсов, получив тем самым переменную со значениями от 0 до 6 баллов. Распределение значений полученного показателя проиллюстрировано на Рисунке 45. Исходя из такого распределения, мы можем выделить следующие группы населения: безресурсную (ИРО = 0), низкоресурсную (ИРО = 1), среднересурсную (ИРО = 2 и 3) и высокоресурсную (ИРО ≥ 4).

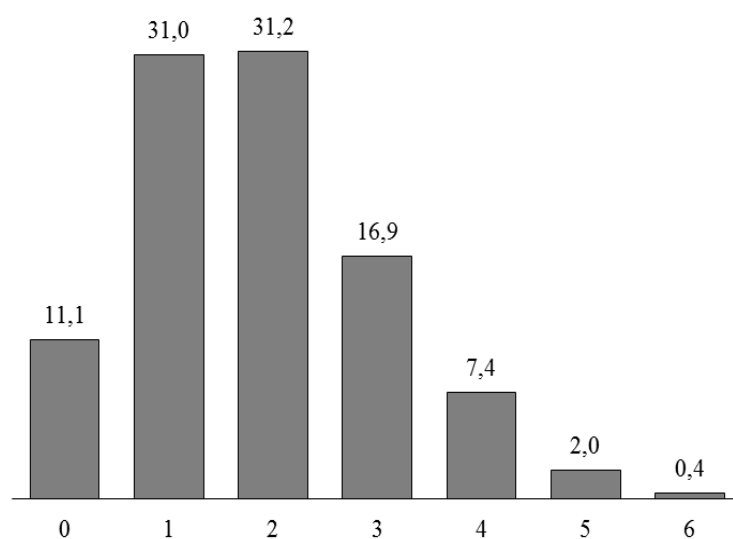

Рисунок 45 – Распределение ИРО, 2016 г., %

Отсутствием наиболее распространенных видов ресурсов характеризуется 11% населения, почти треть (31%) относится к низкоресурсной группе, 48% – к среднересурсной, и только лишь 10% – к высокоресурсной. Среди населения трудоспособного возраста соответствующие показатели немного выше (Рисунок 46). Таким образом, люди пенсионного возраста чаще представителей остальных возрастных когорт относятся к низкоресурсным группам (16% из них характеризуются нулевой ресурсообеспеченностью, 40% – низкой, 40% – средней, и 4% – высокой), несмотря на то, что в рамках абсолютного подхода к доходной стратификации лица старше 55 лет массово не попадают в категорию бедных (т.е. имеющих доходы ниже ПМ).

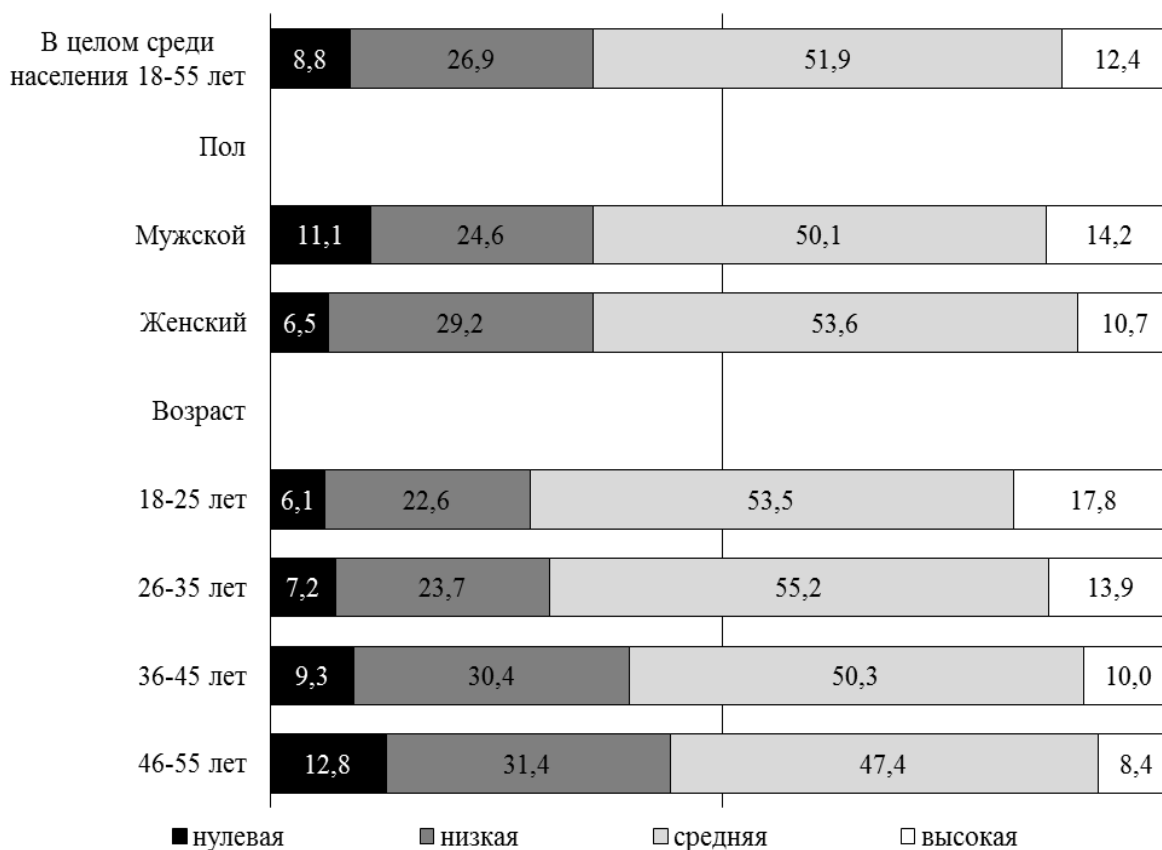

Рисунок 46 – Ресурсообеспеченность различных гендерных и возрастных групп населения, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Что касается гендерных групп, то среди мужчин чаще, чем среди женщин, встречаются представители группы с нулевой ресурсообеспеченностью (11% против 6,5%), с другой стороны здесь же несколько больше и тех, кто характеризуется высокой ресурсообеспеченностью (соответственно, 14% против почти 11%).

Возраст, как и в случае отдельных видов ресурсов, заметно сказывается на общей ресурсообеспеченности индивидов. Высокоресурсная группа в возрастной когорте 46-55 лет в 2 раза меньше, чем в среди тех, кому 18-25 лет (соответственно, 8,4% против 17,8%), среднересурсная группа среди молодежи тоже немного больше, чем среди представителей старших возрастных когорт. Доля населения с нулевой ресурсообеспеченностью в возрастной когорте 46-55 лет в 2 раза выше, чем среди молодежи 18-25 лет (соответственно, 12,8% против 6,1%). Таким образом, подтвердилось, что с возрастом не происходит накопления ресурсов.

Что касается места жительства, то вполне ожидаемо, что сельское население характеризуется меньшей ресурсообеспеченностью, чем городское. Если же

рассматривать размер города, то он влияет на общую ресурсообеспеченность населения 18-55 лет не столь значительно (Рисунок 47), хотя можно отметить некоторое увеличение доли высокоресурсной группы в более крупных городах.

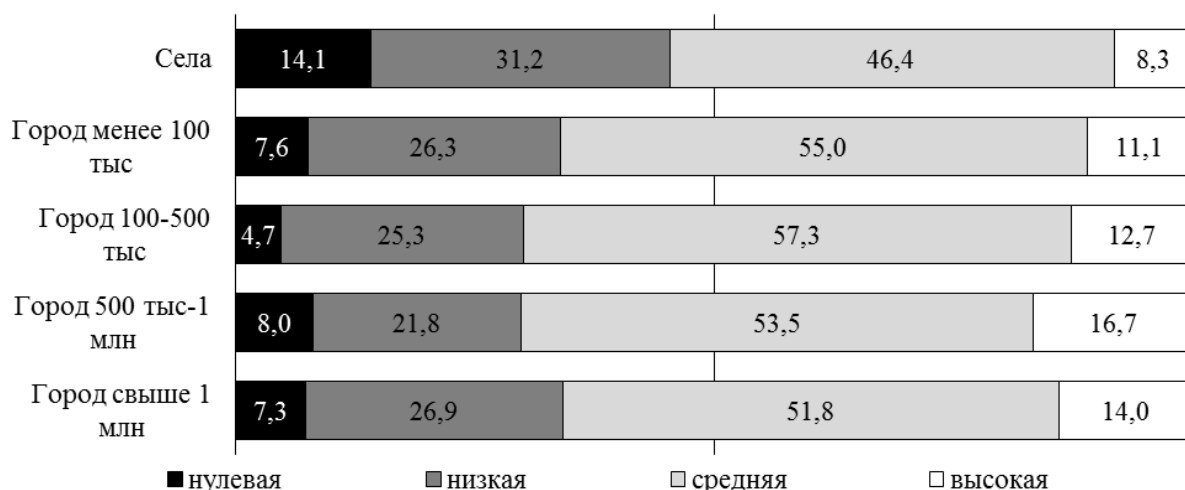

Рисунок 47 – Ресурсообеспеченность жителей различных типов поселений, 2016 г.,
% от тех, кому 18-55 лет

Среди групп с начальным и средним профессиональным образованием почти нет разницы в их общей ресурсообеспеченности – у более чем 60% из них она находится на среднем уровне, и только у каждого десятого – на высоком. Наибольшее количество высокоресурсного населения встречается среди имеющих высшее образование (20,5%), в этой же образовательной группе минимально распространена низкая ресурсообеспеченности (Рисунок 48).

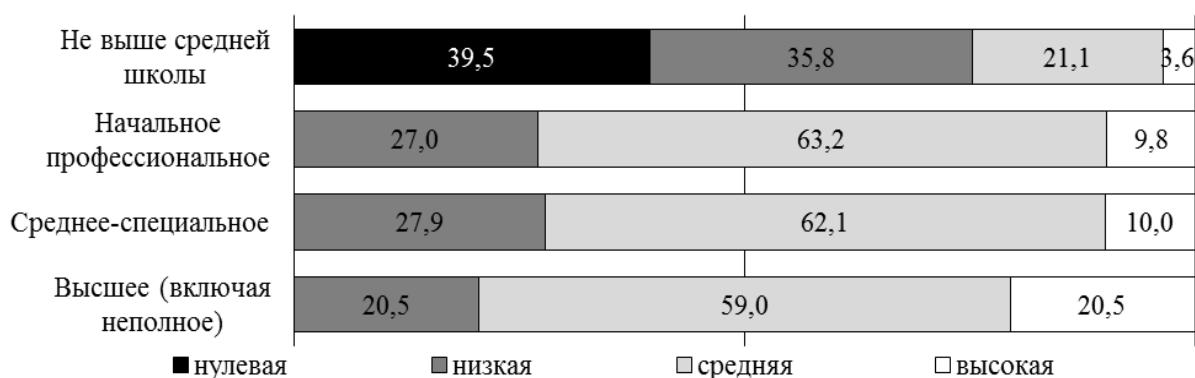

Рисунок 48 – Ресурсообеспеченность различных образовательных групп населения, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Что касается занятости, то отмечена заметная разница в ресурсообеспеченности работающего и неработающего населения. Среди первых 10% относятся к безресурсным слоям, 35% – к низкоресурсным, 48% – среднересурсным, и 7% – к высокоресурсным, в то время как среди вторых соответствующие показатели равны 8%, 23%, 54% и 15%. Другими словами, наличие работы заметно сказывается на ресурсообеспеченности индивида.

Даже среди руководителей есть незначительная доля тех, кто характеризуется нулевой ресурсообеспеченностью (3,5%), среди специалистов средней квалификации таких 4,5%, среди рядовых работников торговли и бытового обслуживания – около 13%, и, наконец, в числе рабочих – 22% (Рисунок 49).

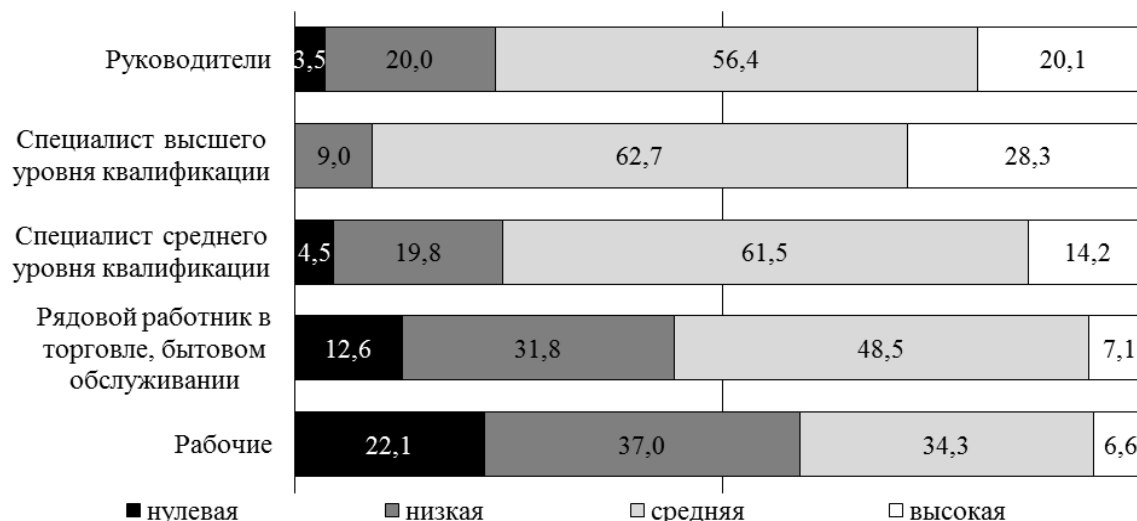

Рисунок 49 – Ресурсообеспеченность различных статусных групп населения, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Анализ ресурсообеспеченности представителей различных доходных групп населения показал высокую взаимосвязь этих двух характеристик. Доля безресурсного населения составляет 14% тех, чьи доходы не превышают прожиточного минимума, тогда как в остальных доходных группах лиц с нулевой общей ресурсообеспеченностью абсолютное меньшинство. Доля низкоресурсного населения убывает с ростом доходов – разница в полярных группах более чем двукратна (Рисунок 50).

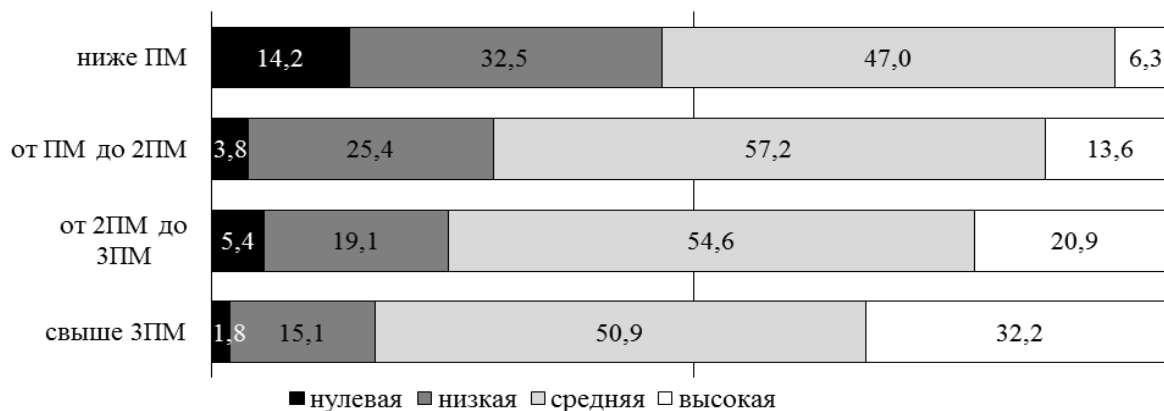

Рисунок 50 – Ресурсообеспеченность различных доходных групп населения, 2016 г.,
% от тех, кому 18-55 лет

В наибольшей степени связана с уровнем дохода доля высокоресурсного населения, которая с увеличением показателя на каждый ПМ растет в 1,5-2 раза и достигает почти трети тех, чьи среднедушевые доходы превышают 3ПМ.

3 Факторы, снижающие риски попадания в группу бедных

Группы населения, чьи среднедушевые доходы не превышают прожиточного минимума, чаще всего характеризуются нулевым уровнем ресурсообеспеченности, в частности, у них отсутствуют экономический, квалификационный и социальный ресурсы. Можно в этой связи предположить, что наличие всего набора ресурсов должно уменьшать риски попадания в группу бедного населения. Эта гипотеза проверялась с помощью корреляционного, регрессионного и кластерного анализов.

Для того, чтобы использовать указанные методы, необходимо было, во-первых, рассматривать переменную, в которой за единицу принята принадлежность к группе населения с доходами выше прожиточного минимума (небедное население), а, во-вторых, выявить переменные, которые значимо связаны с принадлежностью индивида к группе небедных. Для этих целей был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициентов корреляции Спирмена, с включением в него всех переменных, которые могут быть связаны с вероятностью попадания в указанную группу (пол, место жительства, возраст, наличие иждивенцев различного типа в домохозяйстве и т.п.), включая и такие индикаторы, как наличие различных ресурсов («1» – есть ресурс, «0» – нет ресурса), так и высокий уровень соответствующего ресурса («1» – максимальный уровень, «0» – минимальный уровень или отсутствие) (Таблица 2).

Таблица 2 – Коэффициенты корреляций Спирмена (подвыборка тех, кому 18-55 лет)²

Показатели ³	Нахождение в группе небедных (среднедушевые доходы выше ПМ)
Мужской пол	0,057**
Количество лет (шкала от 18 до 55 лет)	-0,060**
Тип поселения	
<i>Проживание в сельской местности</i>	-0,157**
Проживание в ПГТ	-0,023
Проживание в городе с населением менее 100 тыс.	-0,014
Проживание в городе с населением 100-500 тыс.	0,042
Проживание в городе с населением 500 тыс-1 млн.	0,072**
Проживание в городе с населением свыше 1 млн.	0,088**

² Курсивом выделены значения, по модулю превышающие 0,15

³ Кроме специально оговоренных случаев указанный признак принимается за единицу.

Продолжение Таблицы 2

Показатели	Нахождение в группе небедных (среднедушевые доходы выше ПМ)
Занятость и профессиональный статус	
Наличие работы	0,101**
<i>Профессиональный статус руководителя</i>	0,153**
Профессиональный статус специалиста высшего уровня квалификации (работа требует высшего образования)	0,082**
<i>Профессиональный статус руководителя или специалиста высокой квалификации</i>	0,179**
Профессиональный статус специалиста среднего уровня квалификации (работа требует средне-специального /профессионального образования)	-0,029
Профессиональный статус технического служащего, рядового работника в торговле, бытовом обслуживании	-0,020
Профессиональный статус работника, преимущественно занятого физическим трудом	-0,084**
Состав домохозяйства	
<i>Наличие в домохозяйстве дошкольников</i>	-0,215**
<i>Наличие в домохозяйстве школьников</i>	-0,168**
<i>Наличие в домохозяйстве несовершеннолетних детей (школьников и дошкольников)</i>	-0,238**
Наличие в домохозяйстве студентов	-0,060**
Наличие в домохозяйстве пенсионеров	-0,014
Наличие в домохозяйстве инвалидов	-0,058**
<i>Наличие в домохозяйстве работоспособных взрослых без работы</i>	-0,221**
Наличие в домохозяйстве лиц, выезжающих на работу в другие регионы	-0,008
Показатели ресурсообеспеченности	
Наличие экономического ресурса	0,160**
Наличие социального ресурса	0,076**
<i>Наличие квалификационного ресурса</i>	0,146**
Наличие экономического ресурса высокого уровня	0,116**
Наличие социального ресурса высокого уровня	0,086**
Наличие квалификационного ресурса высокого уровня	0,092**
Наличие всех видов ресурсов	0,127**
<i>Наличие экономического и квалификационного ресурса</i>	0,161**
Наличие экономического и социального ресурса	0,144**
Наличие квалификационного и социального ресурса	0,100**
<i>Индекс ресурсообеспеченности (шкала от 0 до 6)</i>	0,219**
<i>Индекс ресурсообеспеченности (шкала: нулевая, низкая, средняя, высокая)</i>	0,212**

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать следующие выводы:

- Наличие несовершеннолетних детей в наибольшей степени связано с рисками попадания в бедные по доходам слои общества, причем наиболее уязвимы в этой связи индивиды, в домохозяйствах которых есть дошкольники. Наличие в домохозяйстве студентов показывает хоть и значимую, но не столь большую, как в предыдущем случае, взаимосвязь. Еще одним значимым критерием является наличие в домохозяйстве трудоспособных безработных взрослых. В целом, иждивенческая нагрузка является основным фактором, негативно связанным с вероятностью попадания индивида в группу небедного населения.
- С точки зрения места жительства, наиболее значимым оказывается проживание в сельской местности, которое можно отнести к рискогенным факторам попадания в группу бедного населения. Градация городов по размеру в этом плане гораздо менее значима.
- Примечательно, что сам факт наличия работы не сильно связан с нахождением индивида в группе небедных, коэффициент корреляции Спирмена сравнительно мал, хотя и значим статистически.
- Профессиональный статус руководителя гораздо больше связан с нахождением индивида в группе небедных, чем все остальные статусы. При этом статус специалиста высокой квалификации показал совсем незначительную связь. Эти результаты могут косвенно свидетельствовать о том, что властный ресурс, имеющийся у руководителей и отсутствующий у многих специалистов, играет в вопросах доходной стратификации не меньшую роль, нежели квалификационный.
- Уровень общей ресурсообеспеченности, по сравнению с показателями наличия отдельных ресурсов, в большей степени связан с нахождением индивида в группе небедных. Независимо от шкалы деления уровня ресурсообеспеченности, коэффициенты корреляции Спирмена получились больше 0,2. Таким образом, аккумуляция ресурсов у индивида, согласно нашим данным, в большей степени связана с его экономическим положением, нежели сам факт наличия у него того или иного вида ресурса.

Результаты корреляционного анализа позволили выявить ряд факторов, которые статистически значимо связаны с вероятностью попадания в группу бедных по доходам, однако коэффициенты корреляции не могут показать причинно-следственные связи. Для решения этой задачи был использован регрессионный

анализ (логистическая регрессия). В качестве зависимой переменной рассматривалась принадлежность к небедным слоям населения, а в качестве регрессоров – показатели, которые рассматривались в ходе корреляционного анализа, исключая те, которые в значительной степени коррелировали между собой (например, наличие какого-либо ресурса и наличие его высокого уровня), в этом случае выбор сделан в пользу показателя с наибольшим коэффициентом корреляции Спирмена.

Таким образом, для анализа использовалась модель логистической регрессии, которая позволяет выяснить, насколько увеличится вероятность наступления некоторого события (в нашем случае, попадания в группу небедного населения) при сравнении респондентов, которым присущи различные характеристики в рамках одного регрессора (независимой переменной).

Регрессионный анализ проводился в несколько этапов, на каждом из которых в модель включались разные наборы регрессоров. Для проверки качества регрессионной модели использовались показатели функции правдоподобия, показывающие, насколько улучшается модель (насколько увеличивается процент объясненной дисперсии зависимой переменной) при добавлении каждой последующей переменной. Значимость коэффициентов при соответствующем регрессоре оценивалась с помощью теста Вальда, уровень значимости принимался не менее 95% (то есть вероятность ошибки первого рода – отвергнуть верную гипотезу – составляла не более 5%). Все регрессоры, коэффициенты при которых оказывались незначимыми, из итоговой модели исключались. Результаты последней итерации регрессионного анализа представлены в Таблице 3.

Таблица 3 – Результаты логистической регрессии (подвыборка тех, кому 18-55 лет)⁴

Регрессоры	Коэфф. β	Среднекв. ошибка	Вальд	Степень свободы	Знач.	e^{β}
Профессиональный статус руководителя	1,265	0,186	46,361	1	0,000	3,543
Наличие квалификационного ресурса	0,911	0,179	25,959	1	0,000	2,488
Константа	0,862	0,242	12,654	1	0,000	2,367
Наличие социального ресурса	0,797	0,219	13,253	1	0,000	2,218
Наличие экономического ресурса	0,76	0,132	32,968	1	0,000	2,138

⁴ Ранжировано по убыванию влияния регрессора на вероятность попадания в группу небедных при фиксированных остальных показателях (значения в столбце e^{β})

Продолжение Таблицы 3

Регрессоры	Коэфф. β	Среднекв. ошибка	Вальд	Степень свободы	Знач.	e^{β}
Профессиональный статус специалиста высокой квалификации	0,668	0,173	14,862	1	0,000	1,951
Мужской пол	0,21	0,104	4,062	1	0,044	1,234
Количество лет (шкала от 18 до 55 лет)	-0,298	0,054	30,324	1	0,000	0,742
Наличие в домохозяйстве студентов	-0,403	0,131	9,421	1	0,002	0,668
Проживание в сельской местности	-0,53	0,121	19,341	1	0,000	0,588
Наличие в домохозяйстве школьников	-0,677	0,107	39,883	1	0,000	0,508
Наличие квалификационного и социального ресурса	-0,677	0,247	7,528	1	0,006	0,508
Наличие в домохозяйстве работоспособных взрослых без работы	-0,868	0,112	60,276	1	0,000	0,420
Наличие в домохозяйстве дошкольников	-1,087	0,114	90,169	1	0,000	0,337

Полученная регрессионная модель позволяет сделать следующие выводы:

- Наличие детей любого возраста, при всех прочих равных, уменьшает вероятность попадания индивида в группу небедных. В случае студентов вероятность уменьшается в 1,5 раза, в случае школьников – в 2 раза, в случае дошкольников – в 3 раза. Помимо этого, в 2,4 раза увеличивает вероятность попадания в группу бедных наличие в домохозяйстве неработающих трудоспособных взрослых. Примечательно, что регрессоры, обозначающие наличие в домохозяйстве инвалидов и пенсионеров, в полученной модели оказались незначимыми.
- Как и предполагалось, проживание в сельской местности, при всех прочих равных, в 1,7 раза увеличивает вероятность попадания в группу бедного населения.
- Принадлежность к мужскому полу в 1,2 раза увеличивает вероятность попадания в группу небедного населения, а увеличение возраста на 1 год, при всех прочих равных, увеличивает вероятность попадания в бедные слои в 1,3 раза.
- Наличие различного типа ресурсов положительно сказывается на экономическом положении индивида. Наиболее важным в этой связи оказался квалификационный ресурс, наличие которого в 2,5 раза уменьшает вероятность попадания в бедные

слои общества. Наличие экономического ресурса уменьшает эту вероятность, при всех прочих равных, в 2,2 раза, а социального – в 2,1 раза.

- Профессиональный статус руководителя, при всех прочих равных, в 3,5 раза увеличивает вероятность попадания индивида в благополучные слои общества, при этом профессиональный статус высококвалифицированного специалиста увеличивает эту вероятность только в 2 раза. Учитывая, что вследствие требований к уровню образования, у высококвалифицированных специалистов (в отличие от руководителей) квалификационный ресурс есть всегда, можно сделать вывод, что у руководителей есть еще какая-то скрытая характеристика, влияющая на их экономическое положение. Такой характеристикой может быть, например, властный ресурс, присущий многим руководителям, или личностные особенности, выраженные в специфике нормативно-ценностных ориентиров, мотиваций и т.п.
- Отдельно стоит рассмотреть влияние на вероятность попадания в небедные слои общества наличие одновременно социального и квалификационного ресурсов, которое ее уменьшает в 2 раза. Возможно, полученный результат связан с тем, что необходимость в использовании социального ресурса возникает именно в период финансовых трудностей, и, как свидетельствуют данные, та часть населения в возрасте 18-55 лет, которая обладает квалификационным ресурсом и по доходам относится к бедным, имеет больше источников финансовой помощи, чем те, у кого квалификационного ресурса нет. Причины могут быть не только в сети контактов с большим потенциалом, чем у лиц без квалификационного ресурса, но и в большей информированности тех, у кого он есть, о возможностях получения помощи от государства, предприятия или общественных организаций.

В то же время среди небедных, наоборот, те из них, у кого отсутствует квалификационный ресурс, имеют больше источников финансовой помощи, нежели те, у кого указанный ресурс есть (Таблица 4), что косвенно может свидетельствовать о замещающем характере социального ресурса по отношению к квалификационному.

Таблица 4 – Источники финансовой помощи бедного и небедного населения с различной обеспеченностью квалификационным ресурсом, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Источники помощи	Бедные		Небедные	
	Нет квалификационного ресурса	Есть квалификационный ресурс	Нет квалификационного ресурса	Есть квалификационный ресурс
Родственники	40,0	39,0	54,9	44,9
Друзья	5,8	8,9	20,9	14,8
Руководство предприятия (организации)	0,9	2,1	7,0	3,6
Государство, органы социальной защиты	1,3	5,4	3,9	2,5
Церковь	1,9	2,0	1,2	1,3
Общественные организации	0,2	0,7	5,2	0,7

Проанализировать, как влияет на вероятность попадания в бедные слои сочетание трех видов ресурсов мы смогли с помощью кластерного анализа, основанного на переменных наличия того или иного вида ресурса. В результате применения процедуры двухэтапного кластерного анализа, нами были получены 6 кластеров, разделяющих население в возрасте 18-55 лет на группы с различным сочетанием ресурсов. Для удобства мы проранжировали кластеры по убыванию доли бедного населения в их составе, таким образом, в первом кластере она максимальна, а в последнем – минимальна.

Как показано в Таблице 5, две из полученных групп являются полярными по отношению друг к другу: одна из них включает в себя безресурсное население работоспособного возраста (8,8% от тех, кому 18-55 лет), а другая – высокоресурсное (9,9% от тех, кому 18-55 лет). Учитывая то, что разница в доле бедных между полярными кластерами достигает трехкратного размера, мы можем сделать однозначный вывод, что наличие всех видов ресурсов значительно уменьшает риски попадания в бедность для индивида.

Таблица 5 – Результаты кластерного анализа, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Показатели	Номер кластера					
	I	II	III	IV	V	VI
Наличие экономического ресурса	0,0	34,5	0,0	0,0	100,0	100,0
Наличие социального ресурса	0,0	85,8	0,0	100,0	0,0	100,0
Наличие квалификационного ресурса	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Справочно</i>						
<i>Доля кластера среди тех, кому 18-55 лет</i>	8,8	13,5	31,9	28,2	8,5	9,1
<i>Доля бедных в кластере</i>	67,8	67,8	44,7	39,5	26,9	21,4

Из оставшихся 4 групп только одна характеризуется отсутствием квалификационного ресурса – II кластер, представители которого в подавляющем большинстве имеют доступ преимущественно к социальному ресурсу, однако совсем у немногих из них есть ресурс экономический. Учитывая тот факт, что в I и II кластере доля бедного населения одинакова, и при этом они различаются только доступом к социальному ресурсу, мы можем сделать вывод, что доступ к различным источникам финансовой помощи при отсутствии квалификационного ресурса не уменьшает риски попадания в бедные слои населения. В то же время, наличие профессионального образования (которое является основой квалификационного ресурса) существенно увеличивает шансы попадания в небедные слои населения, поскольку наблюдается значительная разница в доле бедных между II и III кластерами – в последнем их меньше половины.

Анализ различий между III, IV и V кластерами показывает, что наличие социального ресурса не столь значимо сокращает риски попадания в бедность, как доступ к экономическому ресурсу. Социальный ресурс слабее всех остальных рассматриваемых видов ресурсов влияет на риски попадания в бедность, поскольку, как мы уже отмечали выше, наличие только лишь его эти риски не уменьшает.

Очевидно, что разница между полученными кластерами заключается не только в наличии или отсутствии того или иного вида ресурса, но и в их уровне. Так, представители кластеров с III по VI характеризуются разным уровнем профессионального образования, а также его соответствия выбранному профилю занятости. Как показано в Таблице 6, с увеличением номера кластера в составе полученных групп растет доля людей с высшим образованием. Кроме того, если рассматривать работающее население, то в обеспеченном всеми видами ресурсов VI кластере больше и тех, чье образование соответствует профилю занятости.

Таблица 6 – Характеристики квалификационного ресурса представителей полученных кластеров, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Характеристики квалификационного ресурса	Номер кластера					
	I	II	III	IV	V	VI
<i>Уровень образования</i>						
Не выше средней школы	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Начальное профессиональное	0,0	0,0	9,6	8,5	8,6	4,8
Среднее профессиональное	0,0	0,0	50,1	45,2	38,3	31,2
Высшее (включая неполное)	0,0	0,0	40,3	46,3	53,1	64,0
<i>Соответствие полученного образования профилю занятости⁵</i>						
Соответствует, скорее соответствует	-	-	51,8	52,2	57,6	61,7
Не соответствует, скорее не соответствует	-	-	48,2	47,8	42,4	38,3

Что касается социального ресурса, то его уровень и характеристики у представителей различных кластеров также, как и в случае с квалификационным ресурсом, не совпадают. Как показано в Таблице 7, представители VI кластера чаще имеют доступ к тем источникам финансовой помощи, которые можно назвать высокоресурсными: друзья, вероятно из того же круга, что и сам индивид, а также руководство предприятия. Кроме того, наблюдается заметная разница в доле тех, кто имеет доступ к более чем одному источнику помощи, среди представителей II и VI кластеров. Таким образом, бедные и небедные слои общества различаются не только уровнем обеспеченности социальным ресурсом, но и качественными характеристиками тех источников помощи, которые им доступны.

Таблица 7 – Характеристики социального ресурса представителей полученных кластеров, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Характеристики социального ресурса	Номер кластера					
	I	II	III	IV	V	VI
<i>Источники финансовой помощи</i>						
Родственники	-	76,9	-	89,0	-	87,6
Друзья	-	20,5	-	24,9	-	30,3
Руководство предприятия (организации)	-	9,9*	-	6,8*	-	13,3*
Государство, органы социальной защиты	-	4,1	-	7,7	-	6,3
Церковь	-	2,6	-	3,8	-	1,3
Общественные организации	-	4,0	-	1,5	-	1,0

⁵ Доля от тех, кто имеет работу.

Продолжение Таблицы 7

Характеристики социального ресурса	Номер кластера					
	I	II	III	IV	V	VI
<i>Количество источников помощи</i>						
Ни одного	100,0	14,1	100,0	0,0	100,0	0,0
Один	0,0	63,4	0,0	73,7	0,0	72,2
Два и более	0,0	22,5	0,0	26,3	0,0	27,8

*Доля от тех, кто имеет работу

Наконец, рассмотрим различия в экономическом ресурсе между представителями различных кластеров. Результаты Таблицы 8 свидетельствуют о том, что характеристики экономического ресурса неоднозначно влияют на вероятность попадания индивида в бедные слои населения, в отличие от квалификационного и даже социального ресурса. Прежде всего, представители II, V и VI кластеров различаются долей в их составе тех, в домохозяйствах которых есть сбережения – в двух последних группах таких подавляющее большинство. С другой стороны, размер этих сбережений различается не так сильно, как можно было бы ожидать. Что же касается дополнительной недвижимости, то ее наличие характерно для высокоресурсных кластеров, однако уже между ними существенных различий в этих показателях не наблюдается.

Таблица 8 – Характеристики экономического ресурса представителей полученных кластеров, 2016 г., % от тех, кому 18-55 лет

Характеристики экономического ресурса	Номер кластера					
	I	II	III	IV	V	VI
Есть сбережения	2,3	28,7	4,6	6,7	74,6	81,5
<i>В их числе тех, которые позволяют прожить на них домохозяйству в отсутствии других доходов</i>						
Два года и больше	0,0	17,8	0,0	0,0	6,3	10,2
Год	0,0	20,5	0,0	0,0	32,5	29,3
Несколько месяцев	0,0	53,4	0,0	0,0	56,3	58,5
Не больше месяца	100,0	8,2	100,0	100,0	4,8	2,0
<i>Наличие второго жилья, которое можно сдавать</i>						
Нет	100,0	84,1	100,0	100,0	57,7	59,4
Да, есть	0,0	15,9	0,0	0,0	42,3	40,6

В итоге, мы можем сказать, что, согласно результатам кластерного анализа, в наибольшей степени сокращает риски попадания в бедные слои наличие квалификационного ресурса, особенно его высокого уровня. Что касается социального ресурса, то сам факт его наличия практически не влияет на вероятность попадания в бедные слои, однако его характеристики (количество и характер источников финансовой помощи) заметно различаются у бедного и небедного населения. Наконец, необходимо отметить, что хотя бедные и небедные слои населения различаются наличием и уровнем экономического ресурса, его роль в высокоресурсных группах уже не так значима и не объясняет имеющихся между ними различий.

Анализ факторов, снижающих риски попадания в бедность, мы проводили в рамках ресурсного подхода, предполагающего, что социально-экономическое положение индивида определяется тем набором ресурсов, которыми он располагает, а также степенью их востребованности на соответствующих рынках. Мы рассмотрели отдельно наиболее распространенные виды ресурсов – экономический, квалификационный и социальный – на предмет их наличия в различных социально-экономических группах населения и влияния на риски попадания в бедные слои, помимо этого мы смогли рассчитать кумулятивный индекс ресурсообеспеченности, который позволил выделить высоко-, средне-, низко- и безресурсные группы населения. При этом мы преимущественно рассматривали население в возрасте 18-55 лет, поскольку при используемом нами абсолютном подходе к выделению бедных, люди пенсионного возраста, имеющие в среднем доходы выше одного прожиточного минимума, массово не попадали в эту группу. В ходе проведенного анализа сделан ряд важных выводов:

- Наличие экономического ресурса, связанного с наличием у индивида активов, способных приносить дополнительные ренты (дополнительная недвижимость и крупные сбережения, позволяющие прожить на них домохозяйству не менее нескольких месяцев, при отсутствии других доходов), естественно, прямо пропорционально связано с уровнем дохода. В бедных слоях населения с доходами ниже ПМ подавляющее большинство (86%) не имеет доступа к экономическому ресурсу, в то время как среди тех, чьи доходы превышают ЗПМ, почти половина характеризуется наличием этого ресурса, а почти у четверти наиболее высокодоходной группы уровень экономического ресурса является

максимальным. Остальные социально-экономические характеристики индивидов не показали такой высокой взаимосвязи с доступом к экономическому ресурсу: во всех группах, выделенных по полу, возрасту, типу поселения и профессиональному статусу, доля представителей, характеризующихся отсутствием данного ресурса, была не менее 70%. В то же время мы можем констатировать тот факт, что экономический ресурс представлен у 56,5% россиян с высшим образованием, проживающих в городах-миллионерах и имеющих доходы не ниже 2ПМ. Таким образом, наличие экономического ресурса с большой вероятностью может быть фактором, сокращающим риски попадания в бедные слои.

- Квалификационный ресурс, связанный с наличием профессионального образования и его соответствия профилю работы, есть у подавляющего большинства населения в возрасте 18-55 лет (почти 78%). Заметно ниже этот показатель среди молодежи 18-25 лет (66%), что объясняется, скорее всего, тем, что представители этой возрастной когорты еще массово получают профессиональное образование. Также реже представлен данный вид ресурсов среди сельского населения (67% его не имеют). Естественно, что уровень квалификационного ресурса значительно зависит от профессионального статуса индивида, и среди специалистов высшей квалификации абсолютное большинство (99%) характеризуется наличием данного ресурса, а три четверти из них – его высоким уровнем. Среди руководителей 9% не имеют квалификационного ресурса, и только 54% характеризуются его высоким уровнем. В наименьшей степени квалификационным ресурсом обладают рабочие, среди которых 45,5% характеризуются его отсутствием, а также рядовые работники торговли и бытового обслуживания, среди которых этот же показатель составляет 30%. Помимо этого, мы можем констатировать тот факт, что уровень дохода индивида сравнительно сильно связан с уровнем его квалификационного ресурса – в высокодоходных группах (со среднедушевыми доходами свыше 2ПМ) без малого половина представителей характеризуются квалификационным ресурсом высокого уровня. А среди тех, чьи доходы превышают ПМ, практически в два раза меньше лиц, у которых отсутствует данный тип ресурсов, по сравнению с бедными слоями населения (в возрастной группе 18-55 лет, соответственно, 16% против 30%). Очевидно, что квалификационный ресурс, также как и

экономический, может быть фактором, сокращающим вероятность попадания индивида в бедные слои.

- Индекс социального ресурса строился исходя из количества потенциальных источников финансовой помощи, которые есть у индивида. В наибольшей степени наличие и уровень данного типа ресурсов зависят от возраста человека – в возрастных когортах старше 36 лет уже не менее 60% представителей характеризуются отсутствием социального ресурса. Если рассматривать представителей одних и тех же возрастных когорт, мы можем отметить, что профессиональный статус и уровень образования положительно связаны с уровнем социального ресурса. С точки зрения уровня доходов, у той части населения в возрасте 18-55 лет, чьи среднедушевые доходы не превышают прожиточного минимума, меньше половины имеют доступ к источникам финансовой помощи. Учитывая все это, можно сделать вывод, что социальный ресурс в некоторой степени может сокращать риски попадания в бедные слои, однако он лучше «работает» в сочетании с другими видами ресурсов.
- Построив кумулятивный индекс ресурсообеспеченности, мы выделили на его основе группы высоко-, средне- низко- и безресурсного населения. В целом только 9% россиян в возрасте 18-55 лет характеризуются полным отсутствием наиболее распространенных видов ресурсов, 27% характеризуются низкой ресурсообеспеченностью, 52% – средней, и 12% – высокой. Эти показатели в значительной степени зависят от возраста: если в возрастной когорте 12-25 лет доля представителей с нулевой и низкой ресурсообеспеченностью составляет 29%, то к предпенсионному возрасту (46-55 лет) этот показатель достигает уже 44%, а среди лиц пенсионного возраста – 55%. Низко- и безресурсное население концентрируется среди не имеющих профессионального образования, а высокоресурсные слои включают пятую часть населения с высшим образованием. Как следствие, среди работающих доля населения с высоким уровнем общей ресурсообеспеченности в наибольшей степени представлена среди высококвалифицированных специалистов (28%), тогда как в числе рабочих подавляющее большинство составляют те, кто характеризуется нулевой или низкой ресурсообеспеченностью (в общей сложности 55%). Доля высокоресурсного населения напрямую связана с уровнем доходов. Почти половину тех, чьи среднедушевые доходы не превышают ПМ, характеризует

нулевая или низкая ресурсобеспеченность. С другой стороны, треть населения со среднедушевыми доходами выше ЗПМ характеризуется высоким уровнем ресурсобеспеченности. В целом, можно сказать, что средняя и высокая ресурсобеспеченность способствуют снижению вероятности попасть в группу бедного населения.

- Исследование факторов, влияющих на вероятность попадания в число бедных, проводилось с помощью корреляционного, регрессионного и кластерного видов статистического анализа. По их результатам, во-первых, стоит отметить, что на экономическом положении индивида существенно сказывается состав его домохозяйства, а именно наличие в нем детей разного возраста. Коэффициенты корреляции Спирмена для переменных, связанных с этими показателями, оказались сравнительно высокими и статистически значимыми. При этом результаты логистической регрессии показали, что наличие в семье студентов, при всех прочих равных, увеличивает вероятность попадания в группу бедных в 1,5 раза, школьников – в 2 раза, дошкольников – в 3 раза. Помимо этого, в 2,4 раза увеличивает вероятность попадания в группу бедных наличие в домохозяйстве неработающих трудоспособных взрослых. Примечательно, что регрессоры, обозначающие наличие в домохозяйстве инвалидов и пенсионеров, в полученной модели оказались незначимыми, что может объясняться спецификой используемой нами методики определения бедности. Немного менее влияет на повышение вероятности попадания в группу бедных проживание в сельской местности (вероятность повышается в 1,7 раза).
- При всех прочих равных, значительно (в 3,5 раза) снижает риски попадания в бедность профессиональный статус руководителя (коэффициент корреляции Спирмена по модулю равен 0,153 при уровне значимости 0,01), в то время как профессиональный статус специалиста высокой квалификации с этой точки зрения менее важен (снижает вероятность в 2 раза, коэффициент корреляции Спирмена по модулю равен 0,082 при уровне значимости 0,01). Учитывая, что из-за требований к уровню образования, у высококвалифицированных специалистов (в отличие от руководителей) квалификационный ресурс есть всегда, можно сделать вывод, что у последних есть еще какая-то скрытая характеристика, влияющая на их экономическое положение. Такой характеристикой может быть, например, властный ресурс, теоретически присущий многим руководителям.

- Отдельно стоит рассмотреть влияние на вероятность попадания в небедные слои общества наличия одновременно социального и квалификационного ресурса, которое ее уменьшает в 2 раза. Возможно, полученный результат связан с тем, что необходимость в использовании социального ресурса возникает именно в период финансовых трудностей, и, как свидетельствуют данные, та часть населения 18-55 лет, которая обладает квалификационным ресурсом и по доходам относится к бедным, имеет больше источников финансовой помощи, чем те из бедных, у кого квалификационного ресурса нет. Причины могут быть не только в сети контактов с большим потенциалом, чем у лиц без квалификационного ресурса, но и в большей информированности тех, у кого он есть, о возможностях получения помощи от государства, предприятия или общественных организаций. В то же время, среди небедных, наоборот, те из них, у кого отсутствует квалификационный ресурс, имеют больше источников финансовой помощи, нежели те, у кого указанный ресурс есть, что косвенно может свидетельствовать о замещающем характере социального ресурса по отношению к квалификационному, проявляющемся в благополучных слоях общества.
- Результаты кластерного анализа и исследование полученных в ходе него групп, характеризующихся различным сочетанием наиболее распространенных видов ресурсов, свидетельствуют о том, что в наибольшей степени сокращает риски попадания в бедные слои населения наличие квалификационного ресурса, особенно его высокого уровня. Что касается социального ресурса, то сам факт его наличия практически не влияет на вероятность попадания в бедные слои, однако его характеристики (количество и характер источников финансовой помощи) заметно различаются у бедного и небедного населения. Наконец, необходимо отметить, что, хотя бедные и небедные слои населения различаются наличием и уровнем экономического ресурса, его роль в высокоресурсных группах уже не так значима и не объясняет имеющихся между ними различий.

4 Соотношение рисков и ресурсов в различных группах населения

В ходе анализа рисков, ухудшающих социально-экономическое положение индивида, а также факторов, которые, наоборот, способствуют его улучшению, мы выявили группы, характеризующиеся разным уровнем риска и ресурсообеспеченности. Сопоставление этих двух показателей позволило разделить население на группы с различным их сочетанием:

- высокорисковые и низкоресурсные;
- низкорисковые и низкоресурсные;
- высокорисковые и высокоресурсные;
- низкорисковые и высокоресурсные.

Как показано на Рисунке 51, более трети россиян характеризуются высоким уровнем рисков и ресурсов, что само по себе неплохо, поскольку ресурсы сглаживают последствия реализации негативных сценариев социально-экономического развития, связанных с высокими рисками. Более того, при благоприятном стечении обстоятельств эта часть населения способна наращивать свою ресурсообеспеченность и, вероятно, выбирать активные жизненные стратегии.

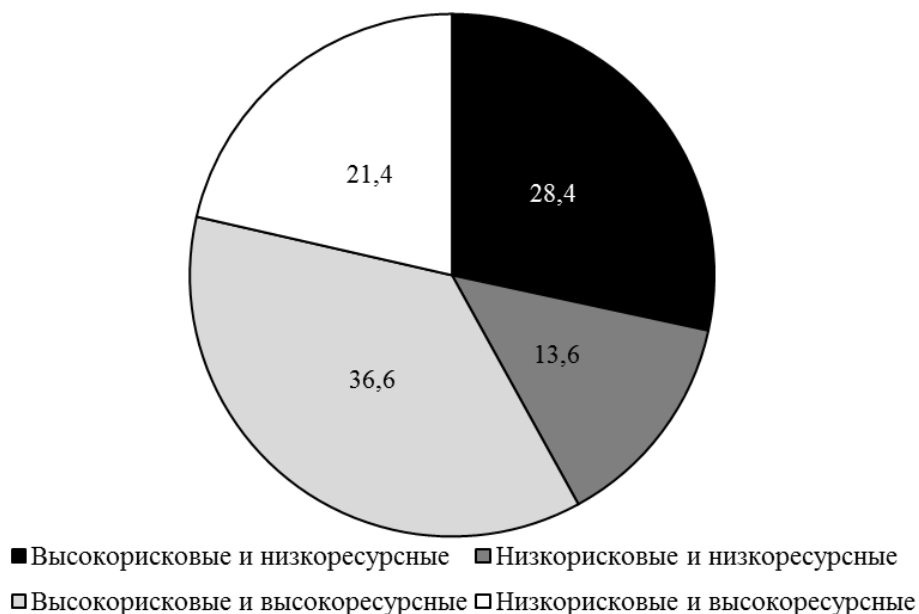

Рисунок 51 – Группы населения с различным сочетанием рисков и ресурсов, 2016 г., %

Очевидно, что в самом уязвимом положении находится та часть населения, которая характеризуется высоким уровнем рисков одновременно с низкой ресурсообеспеченностью, их доля превысила 28% населения. У этих людей фактически нет возможностей устоять перед жизненными трудностями, к которым приводит актуализация рисков. Более того, даже при благоприятном стечении обстоятельств, у них очень мало возможностей для улучшения своего социально-экономического положения. Это же можно сказать и о группе россиян, представители которой характеризуются низким уровнем и рисков и ресурсов – несколько более 13% населения. При этом, их социально-экономическое положение, как можно предположить, во всех смыслах наиболее устойчиво, по сравнению с остальными группами: низкий уровень рисков делает маловероятной ситуацию ухудшения их положения, а низкая ресурсообеспеченность сокращает возможности улучшения.

Наконец, наиболее благополучной является группа населения, представители которой характеризуются низким уровнем рисков и высокой ресурсообеспеченностью, составляющая 21% населения. Им, в идеале, остается только накапливать имеющиеся ресурсы, так как эти ресурсы не надо тратить на нивелирование последствий реализации негативных сценариев, связанных с высоким уровнем рисков.

Таким образом, мы выделили 4 группы населения с различной предполагаемой динамикой социально-экономического положения. Для высокорисковых и низкоресурсных россиян велика вероятность дальнейшего ухудшения положения, относительно стабильно оно в группе низкоресурсных и низкорисковых. Теоретически, на улучшение социально-экономического положения могут надеяться лица, характеризующиеся высокими ресурсами и рисками – в худшем случае ресурсы скомпенсируют последствия рисков. Стабильно улучшаться должно социально-экономическое положение тех, кто характеризуется низким уровнем рисков и высокой ресурсообеспеченностью, по крайней мере, пока в их жизни не произойдут потенциально рискогенные события (рождение ребенка, смена работы, ухудшение здоровья и пр.). Другими словами, наше предположение состоит в том, что направление динамики материального и социального положения индивида с большой долей вероятности зависит от баланса между уровнем рисков, которым он

подвержен, и его общей ресурсообеспеченностью. Вероятно, в кризисных условиях этот баланс смещается в сторону рисков.

Если анализировать оценки представителей полученных групп динамики их материального положения, то оно ухудшилось у большинства тех, кто характеризуется высоким уровнем рисков, в то время как в низкорисковых группах большинство негативной динамики не отметило (Рисунок 52). Перспективным для дальнейших исследований остается вопрос, удастся ли представителям группы, характеризуемой высоким уровнем рисков и высокой ресурсообеспеченностью, улучшать свое социально-экономическое положение в благоприятных экономических условиях.

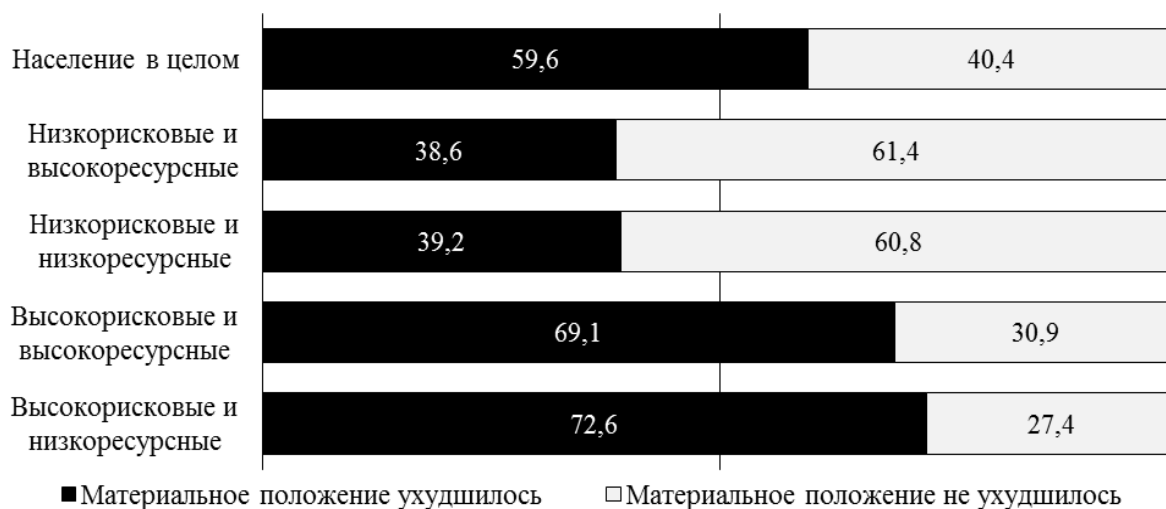

Рисунок 52 – Оценки динамики материального положения за полгода представителями групп населения с различным соотношением рисков и ресурсов, 2016 г., %

Далее проанализируем локализацию представителей полученных кластеров в различных социально-демографических группах населения. Как показано на Рисунке 53, доля представителей сравнительно благополучной низкорисковой и высокоресурсной группы практически не зависит от их возраста. Исключение составляет молодежь, риски которой в существенной степени несут на себе родители. Во всех остальных возрастных когортах доля представителей низкорисковой и высокоресурсной группы составляет около 20%. Этот факт выглядит довольно неожиданным, поскольку, как мы показывали выше, ресурсообеспеченность старших возрастных когорт в среднем меньше, чем

младших, а показатель уровня риска ухудшения социально-экономического положения вообще нелинейно зависит от возраста и максимален в средневозрастных когортах.

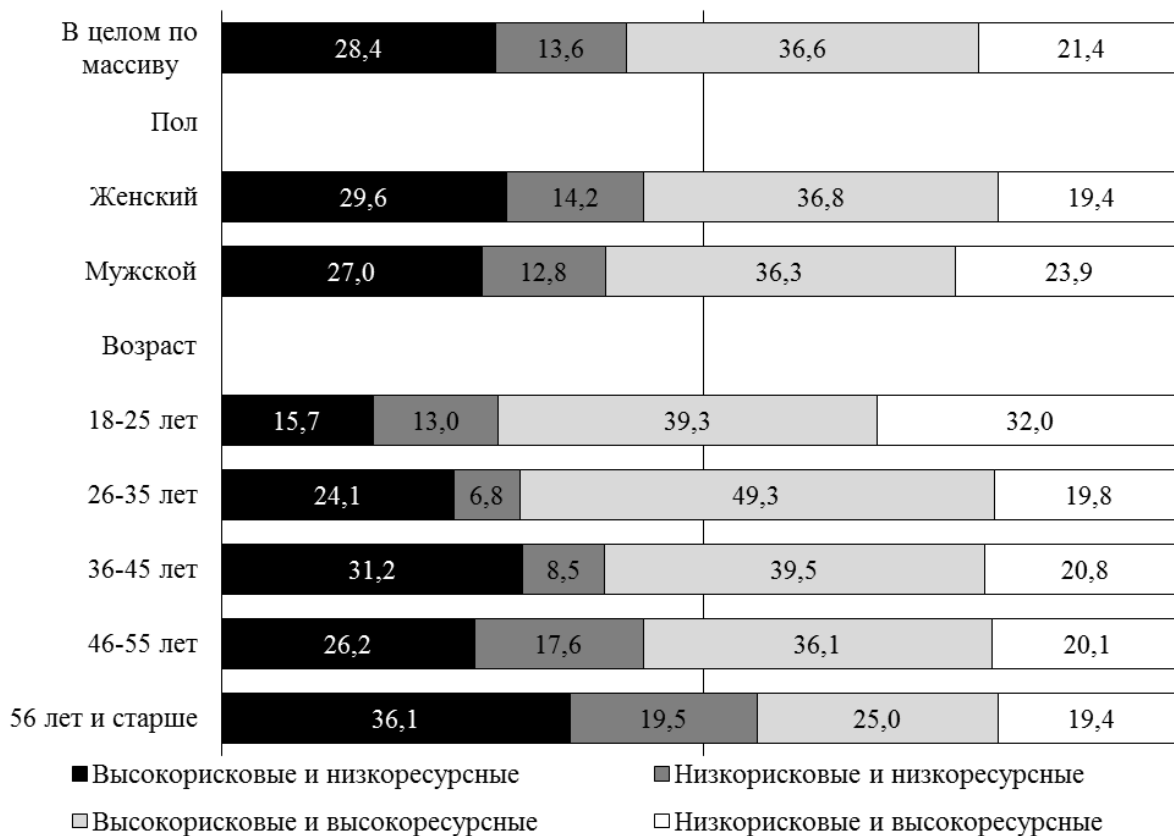

Рисунок 53 – Соотношение рисков и ресурсов среди представителей различных социально-демографических групп, 2016 г., %

В то же время, с ростом возрастного показателя заметно уменьшается доля представителей перспективной, с точки зрения динамики социально-экономического положения, высокорисковой и высокоресурсной группы. «Стабильная» группа низкорисковых и низкоресурсных россиян значительно увеличивается в возрастных когортах старше 45 лет. Наконец, тех, кто характеризуется высоким уровнем рисков и низкой ресурсообеспеченностью, с ростом возрастного показателя становится все больше, достигая 36% в самой старшей возрастной когорте (пенсионного возраста). Таким образом, несмотря на то, что по доходам большинство представителей старшего поколения не попадают в бедные слои населения, с точки зрения соотношения уровня угрожающих им рисков и имеющихся у них ресурсов, многие из лиц пенсионного возраста находятся в наиболее уязвимом положении.

В поселенческом разрезе, как показано на Рисунке 54, имеет значение не столько размер поселения, сколько его тип. В сельской местности и, отчасти, в малых городах, высок процент представителей высокорисковой и низкоресурсной группы. Это вполне объясняет тот факт, что уровень рисков, как мы показывали выше, в меньшей степени зависит от места проживания, чем уровень ресурсообеспеченности.

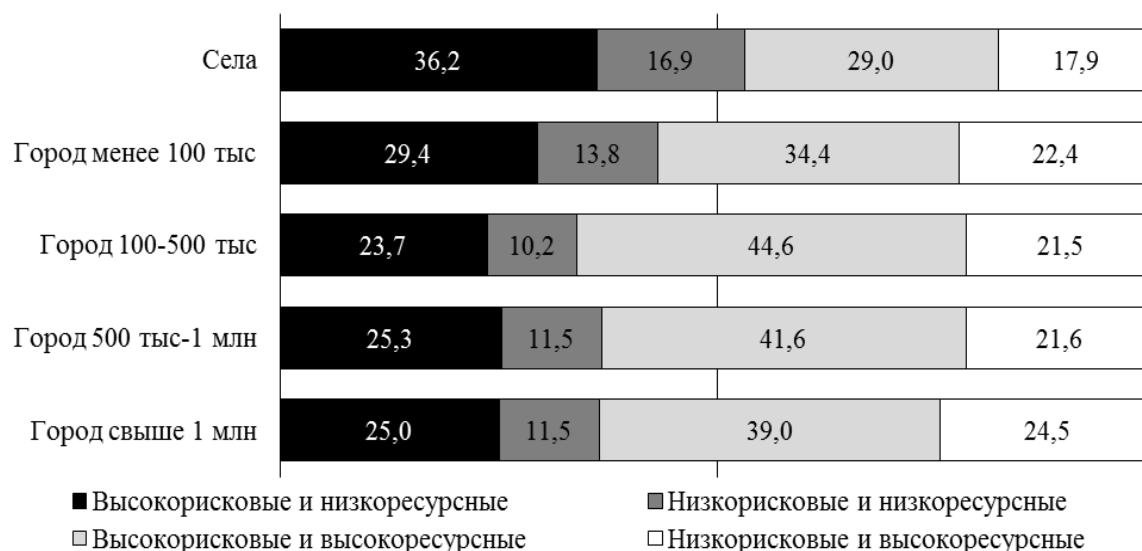

Рисунок 54 – Соотношение рисков и ресурсов среди представителей различных социально-демографических групп, 2016 г., %

В значительной степени соотношение рисков и ресурсов индивида зависит от уровня образования. Во-первых, этому есть чисто техническая причина: наличие профессионального образования было одним из компонент индекса ресурсообеспеченности при его построении. В том числе и по этой причине среди тех, чей уровень образования не превышает средней школы, так велика доля представителей высокорисковой и низкоресурсной группы, а также «стабильной» группы с низкими рисками и низкой ресурсообеспеченностью (Рисунок 55). Во-вторых, учитывая, что уровень рисков ухудшения социально-экономического положения индивида, как мы зафиксировали выше, слабо зависит от уровня его образования, а общая ресурсообеспеченность, наоборот, зависит сильно, неудивительно, что и среди тех, кто получил профессиональное образование, также наблюдается дифференциация в зависимости от сочетания уровня рисков и ресурсов. Так, доля представителей как благополучной низкорисковой и высокоресурсной группы напрямую зависит от уровня образования, так же как и теоретически

перспективной высокорисковой и высокоресурсной группы, представители которой составляют без малого половину лиц с высшим образованием.

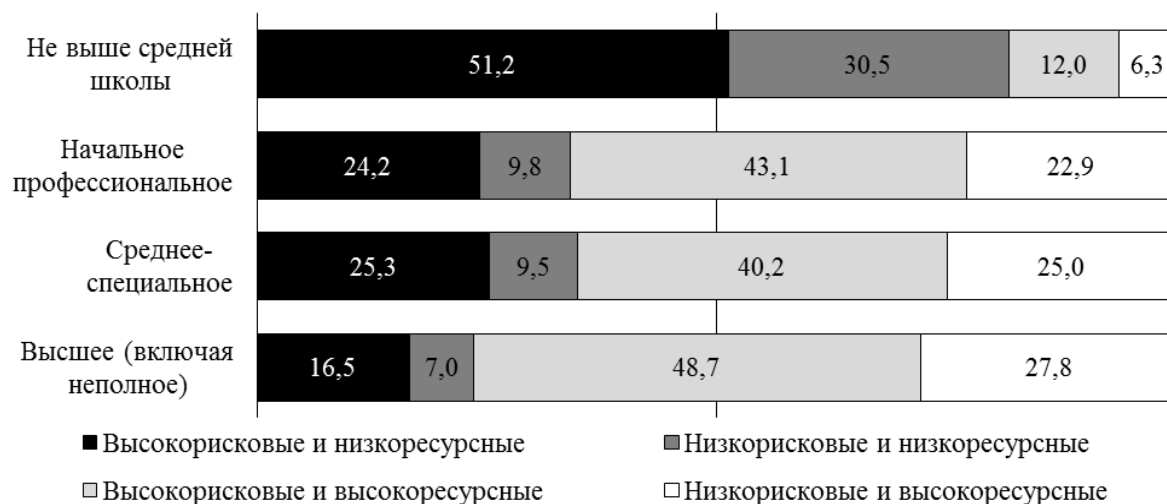

Рисунок 55 – Соотношение рисков и ресурсов в группах населения, характеризующегося разным уровнем образования, 2016 г., %

Таким образом, профессиональное образование значительно увеличивает шансы индивида на попадание в благополучную низкорисковую и высокоресурсную группу. Как следствие, среди работающего населения доля представителей данной группы велика среди тех работников, которые в общей массе должны иметь высшее образование, то есть среди руководителей и специалистов высокой квалификации (Рисунок 56). В то же время, среди профессионалов, в отличие от руководителей, большинство (без малого 60%) находится в высокорисковой и высокоресурсной группе, что, как мы показали выше, означает их практически столь же сильную уязвимость в условиях кризиса, как и безресурсной группы с высокими рисками, несмотря на очевидную разницу в социально-экономическом положении. Однако если у высококвалифицированных специалистов есть хотя бы теоретические возможности для поддержания материального и социально-экономического статуса, то у многих рабочих (из которых, согласно нашим данным, почти 45% попадают в высокорисковую и низкоресурсную группу) таких возможностей нет. Немногим лучше ситуация у рядовых работников торговли и бытового обслуживания, среди которых наполненность группы с высокими рисками и низкими ресурсами составляет 31,5%.

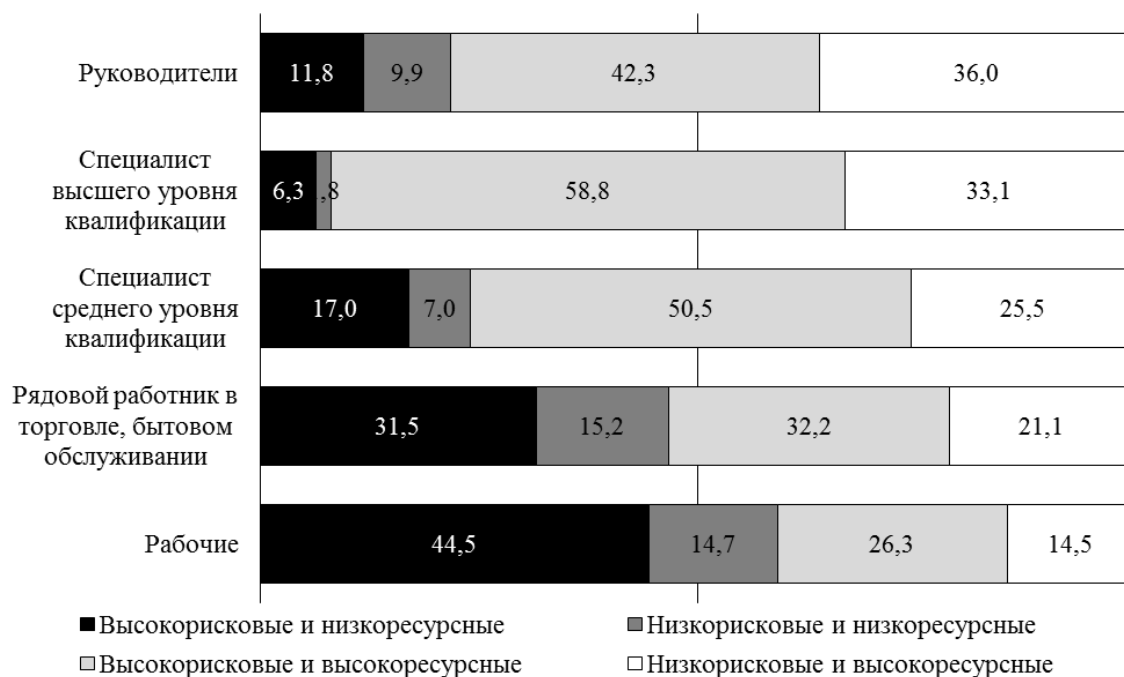

Рисунок 56 – Соотношение рисков и ресурсов в группах населения, характеризующегося разным профессиональным статусом, 2016 г., % от работающих

Относительно уровня доходов мы можем констатировать, что это самый главный фактор, связанный с вероятностью попадания индивида в ту или иную группу сочетания уровня рисков и ресурсов (Рисунок 57). Свыше половины тех, чьи доходы превышают ЗПМ, являются представителями благополучной низкорисковой и высокоресурсной группы. И наоборот, среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума повышают вероятность попадания в высокорисковую и низкоресурсную группу. Доля представителей двух оставшихся групп не столь явно завист от уровня среднедушевых доходов.

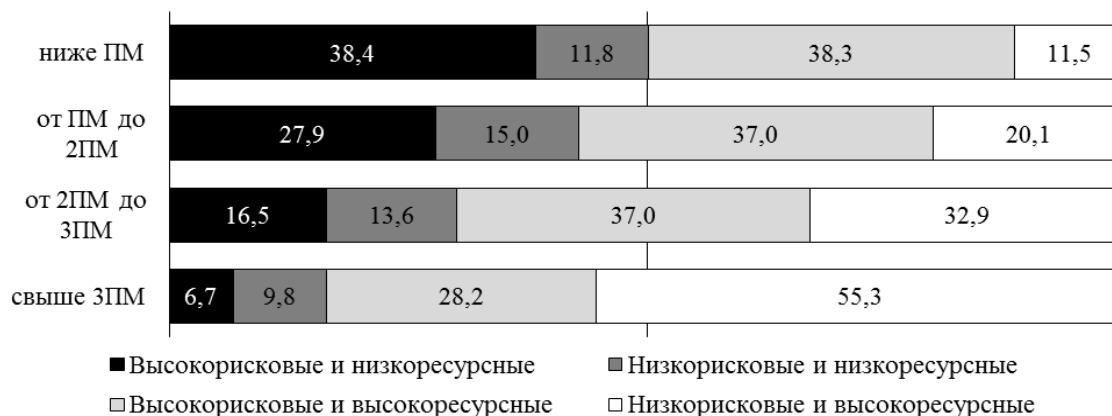

Рисунок 57 – Соотношение рисков и ресурсов в группах населения, характеризующегося разным уровнем среднедушевых доходов, 2016 г., %

Отметим, что сами по себе показатели уровня рисков, которым подвержен индивид, и его общей ресурсообеспеченности (рассмотренные обособленно) сравнительно сильно связаны с уровнем среднедушевых доходов. При этом рассмотрение сочетания рисков и ресурсной обеспеченности (проанализированное комплексно) показывает более яркую картину доходной дифференциации (Рисунок 58). Свыше половины лиц, чье положение характеризуется высоким уровнем рисков и низким уровнем ресурсов, имеют среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума. При этом стоит отметить, что доходная дифференциация в промежуточных группах различается сравнительно слабо. То есть высокий уровень рисков фактически нивелирует влияние высокой ресурсообеспеченности индивида на его материальное положение.

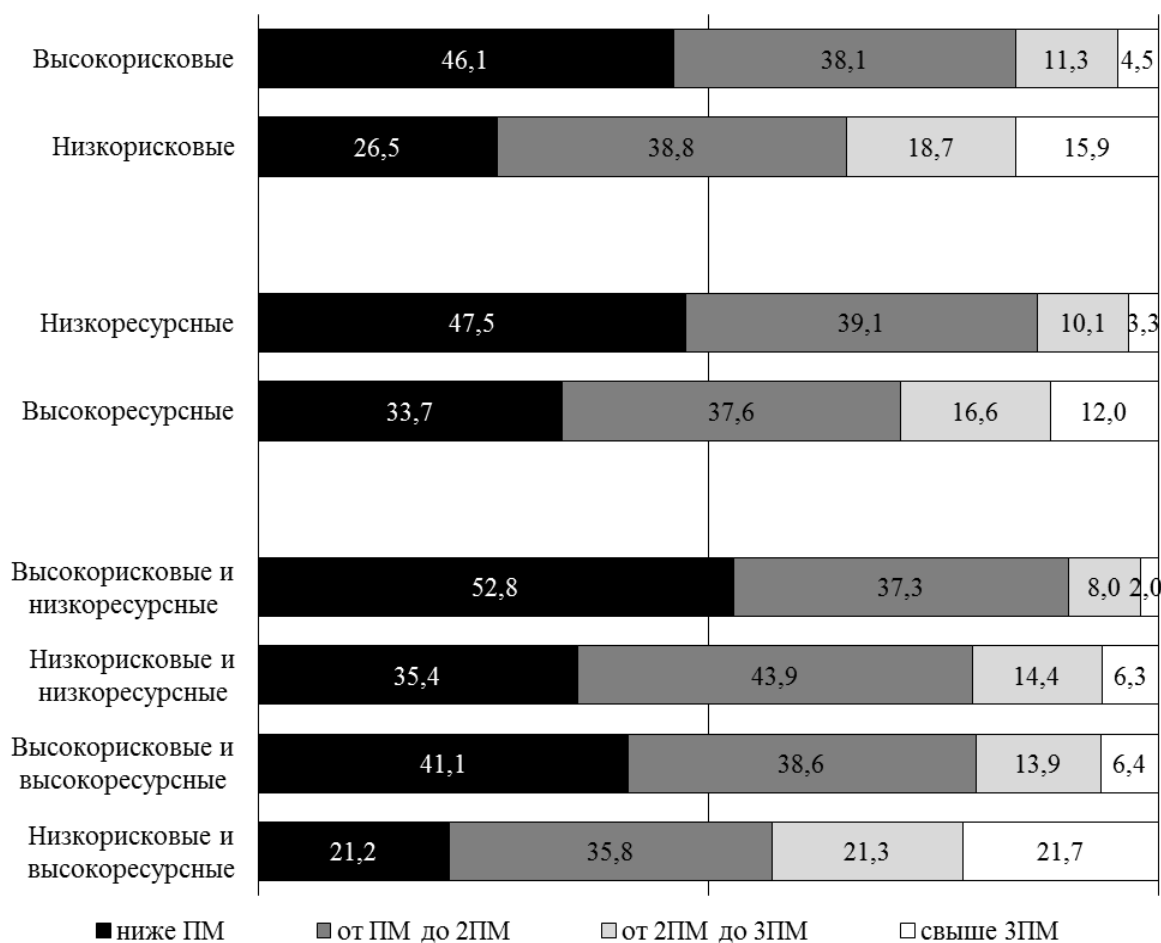

Рисунок 58 – Уровень среднедушевых доходов в группах населения, характеризующегося разным соотношением рисков и ресурсов, 2016 г., %

Наконец, высокая ресурсообеспеченность на фоне низких рисков ухудшения социально-экономического положения в значительной мере снижают вероятность попадания в бедные слои населения: всего около пятой части низкорисковой и высокоресурсной группы имеют доходы ниже прожиточного минимума, а 43% – свыше 2ПМ.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, кратко охарактеризуем выделенные группы населения с разным сочетанием уровня ресурсообеспеченности и степени подверженности рискам ухудшения социально-экономического положения.

Представители высокорисковой и низкоресурсной группы, по нашим данным, составляют 28% населения, и относятся к наиболее пострадавшим от последствий экономической нестабильности: свыше 70% отметили, что их материальное положение ухудшилось. Здесь преобладают люди старше 45 лет (55% состава данной группы), без высшего образования (80%), не имеющие работы (60%), располагающие доходами ниже прожиточного минимума (53%). Если рассматривать профессиональный состав высокорисковой и низкоресурсной группы, то видно преобладание рядовых работников торговли и бытового обслуживания (почти 27%), а также рабочих (34%). Таким образом, в эту группу входят представители наиболее уязвимых слоев общества – у них нет «запасов прочности» для того, чтобы пережить экономически трудные времена, а отсутствие ресурсов не дает возможности не только сделать эти «запасы», но и занять структурные позиции в обществе, которые позволят снизить степень подверженности рискам ухудшения социально-экономического положения.

Социально-экономическое положение представителей сравнительно небольшой – 13,6% населения – низкорисковой и низкоресурсной группы отличается наибольшей стабильностью. С одной стороны, отсутствие рисков ухудшения социально-экономического положения для представителей данной группы минимизирует вероятность нисходящей социальной мобильности. С другой же стороны, низкая ресурсообеспеченность ограничивает их шансы на занятие более успешных позиций в отношении благосостояния. На две трети данная группа состоит из лиц старше 45 лет (в т.ч. 46% ее представителей – люди пенсионного возраста), также большинство (56%) ее представителей не имеют профессионального образования, 60% не работают. В отличие от представителей высокорисковой и низкоресурсной группы здесь индивиды в среднем имеют более высокие доходы (среднедушевые доходы 44% людей в данной группе составляют от одного до двух прожиточных минимумов).

Респонденты из высокорисковой и высокоресурсной группы составляют почти 37% населения, и, как нам представляется, при благоприятном стечении обстоятельств они с высокой долей вероятности способны улучшать свое социально-экономическое положение. Однако пока, в условиях текущего кризиса, материальное положение большинства из них ухудшилось. Наше предположение относительно перспектив социально-экономического положения представителей данной группы основывается еще и на том, что в их составе половина находятся в возрасте младше 40 лет, 44% имеют высшее образование, 80% проживают в городах, 60% работают (из работающих 60% – специалисты средней и высокой квалификации). Другими словами, это группа экономически активного населения с высоким качеством человеческого капитала (высшее образование, средняя или высокая квалификация, хорошее, в силу возраста, здоровье), которые наименее подвержены страхам предпринимать рискованные шаги для расширения своих жизненных шансов. Однако высокая степень подверженности рискам «оттягивает» на себя те ресурсы (в первую очередь, экономические), которые представители данной группы могли бы направить на приращение своей ресурсообеспеченности, а значит и улучшение социально-экономического положения. Теоретически, если помочь представителям данной группы минимизировать риски, которые несут в себе их социальные действия (рождение ребенка, получение образования, смена работы), то они смогут заметно пополнить средне- и высокодоходные слои общества. Об этом свидетельствует тот факт, что доля данной группы приблизительно одинакова (около 37%) в слоях со среднедушевыми доходами ниже ЗПМ, и только при превышении этого порога сокращается до 28%.

Наконец, наиболее благополучная из всех низкорисковая и высокоресурсная группа составляет 21,4% населения. Ее представители достаточно молоды (57% младше 45 лет), многие имеют высшее (43%) или среднее профессиональное (42%) образование, подавляющее большинство проживают в городах (79%), более двух третей работают (и при этом чаще занимают профессиональные позиции руководителей – 23%, при 16% руководящих работниках среди занятых в целом). К тому же, многие представители данной группы (43%) имеют среднедушевые доходы выше 2ПМ. Следует отметить, что доля представителей данной группы составляет треть в возрастной когорте 18-25 лет, а во всех остальных когортах – около 20%. И самое главное, что представители этой группы составляют 55% той части

населения, чьи доходы превышают ЗПМ. Другими словами, можно предположить, что низкая степень подверженности рискам ухудшения социально-экономического положения, при условии высокой ресурсобеспеченности, способствует дальнейшему повышению последней.